

21 1961

СМЕНА

В первую годовщину Советской власти, 7 ноября 1918 года, в Москве, на площади Революции, состоялось торжественное открытие памятника И. Марксу и Ф. Энгельсу. На лубинном нами редком снимке вы видите Владимира Ильича Ленина и Якова Михайловича Свердлова, которые вместе с делегатами VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов присутствовали на церемонии открытия памятника основоположникам научного коммунизма.

ТРИУМФ КОММУНИЗМА

XX век — век триумфальных побед коммунизма. В первой половине столетия на нашей планете прочно утвердился социализм, во второй половине века на ней утвердился коммунизм.

Около двух недель внимание всего мира было приковано к Кремлевскому Дворцу съездов, где обсуждались конкретные пути построения самого справедливого общества на Земле. Новую Программу КПСС, которую совсем недавно одобрил и принял великий форум коммунистов нашей страны, прогрессивное человечество не случайно назвало Коммунистическим Манифестом современности. В ней отражены чаяния и надежды, мечты и думы трудящихся всего земного шара. В то же время для нас, советских людей, этот выдающийся документ творческого марксизма-ленинизма является вполне конкретным производственным планом на ближайшие двадцать лет. В душе каждого молодого человека возникает огромное чувство гордости за свою родную партию, которая твердо смела с пути жалкую кучку фракционеров, пытавшихся затормозить наше движение вперед, и по-ленински мудро направляет силы народа на практическое осуществление вековой мечты человечества.

Много волнующих встреч произошло во время работы съезда. В перерывах между заседаниями в фойе Кремлевского Дворца съездов можно было встретить самых разных людей: прядильницу и космонавта, комбайнера, беседующего с главой Советского правительства, и кубинскую девушку, приветствующую гостей из Африки. Их всех объединяет одно — беззаветная преданность идеям коммунизма, вера в торжество этих идей, верность учению великого Ленина.

Наши хлеборобы собрали в этом году обильный урожай. Одна Украина продает государству около 850 миллионов пудов зерна. «Честь и слава трудящимся Украины, которые пришли к XII съезду с такими замечательными достижениями!» — сказал с трибуны съезда И. С. Хрущев.

На с ним же И. С. Хрущев приветствует комбайнера совхоза «Красный Оскол», Харьковской области, И. М. Бауленко.

Имена этих людей известны всему миру. Космический подвиг Германа Титова и самоотверженный поступок Валентины Гагановой стали гордостью поколения, идущего в коммунизм.

Фото С. РАСКИНА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

21 НОЯБРЬ 1961

Год издания тридцать восьмой.

— Политический курс и практическую деятельность ЦК КПСС в области внутренней и внешней политики целенно и полностью одобрить — сообщением об этом решении XXII съезда партии рабочие московского завода «Амалит» революции 1905 года встретили бурными аплодисментами.

Фото В. МУСИНОВА
и В. КРУГЛИКОВА.

Александр КОРНЕЙЧУК,
делегат XXII съезда КПСС

301

Каждый съезд Коммунистической партии Советского Союза приковывает к себе внимание не только нашей страны, но и всех народов земного шара. И это не случайно.

Трудящиеся во всем мире ждут, что скажет наша великая ленинская партия, какой путь наметит она новому обществу.

Я никогда не забуду, какое огромное впечатление во всем мире произвели доклад Никиты Сергеевича Хрущева, выступления делегатов на XX съезде и исторические его решения.

Но XXII съезд нашей партии, безусловно, займет самое выдающееся место в истории нашей страны и всего мирового коммунистического движения. Новая Программа КПСС, принятая историческим XXII съездом партии, впервые конкретно показала реальные возможности построения коммунизма в нашей стране.

Вышедшее поколение советских людей будет жить при коммунизме, в обществе, которое принесет счастье и радость всему нашему народу. Партия поднимает творческий гений народа на новые высоты. «Не только наши потомки, а мы с вами, товарищи, и наше поколение советских людей будет жить при коммунизме! Создание этого открывает каждого советского человека, порождает в нем желание жить и работать с невиданным энтузиазмом», — говорится в докладе Н. С. Хрущева о Программе партии.

Новая партийная Программа утверждает мирный труд во имя светлой жизни нашего народа, является подлинным манифестом мира для всех народов земного шара.

Какое необозримое поле деятельности открывается перед каждым из нас в выполнении этих предначертаний! И надо сказать, что, наверное, все мы, представители старшего поколения, слуша Никиту Сергеевича Хрущева, прежде всего тихо сказали себе: «Если бы сбросить с плеч двадцать — двадцать лет...» И поэтому мы искренне завидуем молодежи: ведь она не только строит коммунизм, но ей и жить при коммунизме, в красивом расцвете своих сил.

Да, это поколение по-настоящему

счастливы, ибо нет истинного счастья без борьбы за великие цели. А наши юноши и девушки будут передовыми борцами за претворение в жизнь Программы нашей Коммунистической партии, строителями коммунистического общества.

В великом партийном документе много внимания уделено нашей молодежи и моральному кодексу человека коммунистического общества. И это понятно. Все, что создали поколения советских людей — величайшее наследство нового мира, — передается в руки молодежи. Это происходит каждый день. Уходят старшие, их заменяют молодые. Закономерный процесс.

Но если старшее поколение быстрее находит ответы на сложные проблемы, которые возникают в семейной жизни или в общественной, потому, что оно имеет опыт, или потому, что уже выработался у него некоторый шаблон, то, как мне кажется, молодежь здесь в более сложном положении. Опыт еще небольшой, а шаблонов, к счастью, еще нет. А ведь никогда в прошлом перед молодежью не стояли такие трудные и такие романтические задачи, какие стоят сегодня.

Я думаю о нашей молодежи. Молодежь и мечта неотделимы. И очень страшно, если юноша или девушка теряют это чувство. Тогда они превращаются даже не в стариков, а просто в несчастных людей, которым нужно помочь. К счастью, в нашем обществе таких немного.

Мы гордимся нашей молодежью, и гордимся по праву. Она всегда была достойна старшего поколения, которое вынесло на своих плечах всю тяжесть борьбы за построение нового общества.

Но сегодня хочется сказать о другом.

О чем мы думаем и о чем мечтаем, что нам хочется видеть в нашей молодежи! Прежде всего, чтобы наши юноши и девушки были настоящими патриотами. Это само по себе не ново. Патриотизм и в прошлом воспевался великими поэтами, прозаиками, драматургами. Патриотизм всегда был священным для каждого народа. Но патриотизм в нашем понимании впервые в истории человечества не замыкается только в рамках своей страны. Патриотизм

ОТЪЕМ КЛЮЧИ

тизм советский несет в себе великую любовь не только к своей Родине, но и ко всем народам мира. Тот, кто не умеет глубоко уважать труд и культуру самого маленького народа, тот никогда не поймет всю глубину своей культуры. Глубоко осознать эту величественную миссию советского человека, понять свой долг перед Отчизной и перед всем человечеством — это самое главное. Мне кажется, что это может открыть каждого молодого человека, вдохновить его на большие дела, на большие свершения.

Однажды на одном украинском заводе я встретился с группой молодых рабочих, которые создавали сложные станки для далекой Индии. Помню, это было перед самой отправкой станков заказчику. Ребята с волнением показали мне письмо, которое они коллективно сочиняли целую ночь. Они хотели послать это письмо вместе со станками. Признание, редко в жизни я читал такие волнующие строки. Юноши и девушки вложили в них свои лучшие чувства и пожелали счастливой жизни индийской молодежи и всему индийскому народу.

Молодые рабочие рассказали мне тогда, что выполнить в срок заказ и вовремя отправить станки было невероятно трудно. К тому же им сократили сроки и попросили выполнить заказ на два месяца раньше. Эта просьба пришла из Индии. И молодые рабочие выполнили ее. О том, как это было сделано, можно написать потрясающей силы книгу.

Надо сказать, что молодые рабочие, выполняя заказ досрочно, не заработали ни одной лишней копейки. Если бы им предложили тогда деньги, они были бы оскорблены.

Только один этот факт раскрывает новые, красивые, неизвестные в прошлом чувства современного молодого человека. Мы знаем великодушные примеры, когда во имя дружбы молодые люди шли на смерть, но не изменяли слову, товариществу. Это отражено в мировой литературе, и образы таких людей мы называем бессмертными. Но мы не знаем из прошлого фактов, когда бы в «прозаических» делах, в делах повседневных, обыкновенных рождался героизм, рождался столь выскочек чувства. Этот подвиг, как и

много других, сходных с ним, не имеет внешне яркой, романтической окраски. Но он не менее великий, так как был совершен во имя дружбы народов.

Вспомним подвиг сотен тысяч парней и девчат, которые, оставив отчий дом, рванулись по зову партии навстречу трудностям — на целину, на стройки Сибири и Севера, в глухие, необжитые районы страны. И они освоили целину. И они построили заводы. И они возвели города.

Именно о них сказал Никита Сергеевич Хрущев: «Многие трудовые дела юношей и девушек нашей страны свидетельствуют о росте их коммунистической сознательности, патриотическом желании молодежи самоотверженно трудиться на благо Родины. Своими славными делами комсомол завоевал уважение и любовь всего советского народа».

В нашей советской литературе и искусстве идет большая дискуссия о современных произведениях писателей и драматургов. Их нередко обвиняют в том, что они безлики из современной жизни мелкие, незначительные темы и не описывают крупные события, не создают образы больших людей, которые должны служить примером для всех. Несомненно, очень справедливо, что критики хотят увидеть на страницах романов и в театральных спектаклях образы Гагарина и Титова — наших первых космонавтов, прославивших на века свою Родину. Но вот спор о «мелкотемье», мне кажется, не совсем верен. Нет в нашей современной жизни мелких тем. Есть мелкие люди, которые могут взять любое крупное событие и принизить его. И причина здесь в том, что такой художник плохо знает жизнь и не умеет в малом увидеть большое. Если же художник, так же, как и сталевар, шахтер, инженер, активно участвует в строительстве новой жизни, если у него в груди горит пламя борца за коммунизм, то из любой темы современности он может создать произведение, достойное нашего читателя и зрителя.

О Германе Титове и Юрии Гагарине будут писать и слагать песни многие поколения. Но в не меньшей мере наши потомки будут воспевать простых

тружеников, тех, кто создал условия, в которых родились наши первые космонавты, замечательные исследователи, гениальные творцы во всех областях знаний.

Поэтому молодой человек должен осознать и глубоко понять, что на любом участке строительства коммунистического общества любой советский человек, его борьба, его труд, его мысли могут быть не менее значительными, чем проявление героизма в исключительных условиях.

Я еще раз хочу сказать: нет мелких тем и нет маленьких людей. Ведь жизнь на каждом шагу показывает, что люди, совершающие исключительные подвиги, оказываются самыми обыкновенными, простыми людьми. И это не декларация, не лозунг.

Современные ученые утверждают, что человеческому организму природа дала огромные запасы жизнедеятельной силы. Но, к сожалению, очень часто на протяжении своей жизни человек не использует всего того, что отпущено ему природой. Это подтверждает мысль, что в каждом человеке заложены почти беспредельные возможности, много прекрасного, великого, и все дело в обществе, которое должно помочь раскрыть эти силы в полной мере.

Наше счастье, что мы живем в таком обществе.

Величественная программа строительства коммунизма в нашей стране — это золотые ключи к сердцу каждого человека, которые откроют всю необходимую силу человеческих возможностей, откроют в такой степени, в какой мы сейчас и не можем себе полностью представить.

Нам, людям старшего поколения, особенно хорошо видно, как быстро меняется облик нашей жизни, как хорошеет она, наша жизнь. Но мы знаем, что есть на земле силы, которые мечтают затормозить наше движение вперед. Мы не хотим войны. Для того, чтобы осуществить наши грандиозные планы, намеченные Коммунистической партией, нам, как воздух, необходим мир.

И сегодня мы на весь мир заявляем: — Мы верим в мир! Мы отстоим его для счастья всего человечества!

Тяжелый

Владимир БЕЛЯЕВ

Рисунки Ю. РАКУТИНА.

РАССКАЗ

О транские события происходили в одном маленьком городке на юго-западе Украины в первую неделю ноября.

Некогда городок почти соседствовал с тогдашней нашей границей. До пограничного села Исаковцы, где узенький Збруч впадает в Днестр, было каких-нибудь шестьдесят верст, а луг над обрывистым берегам, у слияния двух рек, называли местом, откуда «летуха на три страны слышима». И это не было преувеличением. Если тихим, туманным утром голосистый петух, принадлежавший какой-нибудь исаковской Горлине, взлетая на плетень, залаяв, его хорошо слышали советские пограничники, польские жандармы маршала Пилсудского в сопредельном селе Окопы Святой Троицы и румынские граничеры, охранявшие от проникновения большевизма никогда не признаваемую нами воображаемую пограничную линию с Боварской Румунией.

Теперь граница была далека.

Некогда, в царские времена, губернский, затем, по очереди, после революции уездный, окружной, областной и, наконец, после войны незаслуженно ставший районным центром маленький городок сделался еще краше и живее, хотя было время, когда забредший сюда в двадцать восьмом году скучающий киевский литератор писал: «Высохи экономические корни, что жилили город, и он прозябал в умины, город умирает, погрязая в провинциальной глупости». А тем временем, несмотря на злощасные пророчества, давно уже разобраны пословенные руины в Старом городе, переброшены мосты через былые некогда пограничные реки, а по самому длинному из них, новому советскому мосту через Днестр, бегут

в старинный город машины из зеленой Буковины, из Молдавии, и никакая пограничная стража не останавливает их, разве что инспектор ОРУДа ловко махнет перчаткой и прикажет стерпеть проселочную грязь с лугевого номера...

Однако обиженные жители города, ставшего районым, ни при каких обстоятельствах не хотят призывать сомнительного превосходства нового областного центра. Они гордятся тем, что их разбросанному над скалистыми гордынями, удивительно живописному городку стукнет девятьсот лет, и делают все от них зависящее, чтобы он стал еще лучше.

А молчаливый секретарь городского комитета партии Артем Григорьевич и председатель городского Совета товарищ Медвинский в доказательство любви к городу категорически отказывались уезжать из него, какие бы ни высокие посты ни предлагали в области.

— И вот в это-то скалистый, старинный городок, несмотря на осеннюю пору, стали съезжаться из разных концов Советского Союза несбыточные гости — женщины и мужчины преклонного возраста с обильной седью в волосах, а некоторые и начисто лысые. Если бы они съехались сюда летом, когда городок, славящийся богатыми базарами, обычно заполнен отдыхающими, нинто, возможно, не обратил бы на них внимания. Но в осеннюю пору каждый приезжий обычно бросается в глаза. Похоже было, что новые гости заранее сговорились приехать сюда, потому что каждая новая женщина в вестибиле гостиницы «Червоне Поділля» проходила без того внезапного удивления, которое обычно вспыхивает, когда люди сталкиваются случайно. Правда, они бросались в объятия, целовали друг друга в морщинистые и не всегда тщательно выбритые щеки, восклицали: «Ах, вот ты какой, чортяк! Смотри, и пузо отрясла». Или: «Постарела ты, гляжу, Машенька! Очки носить стала, а ведь, бывало, на стрельбище в ЧОне с трехсот метров из винчестера мишень в самое яблочко поражала».

Уборщицы гостиницы, да и вся ее администрация, среди которой, как на грех, не оказалось старожилов города, с удивлением замечали, что приезжие, несмотря на свой почтен-

ный возраст и очевидную солидность, величали друг друга не иначе, как по именам, часто уменьшительным, как будто полных имен и отчества не существовало и вовсе. Если же кому-нибудь из вновь прибывших отказывали в номере, ссылаясь на совещание свекловодов, то весть эта становилась известна всем. Гул негодования наполнял гостиницу, и даже варкованные горлицы на высоком бересте, что против здания гостиницы, становились неслышимыми. У обиженного отказом находились десятки заступников. Они звонили в горком Артему Григорьевичу, объясняли, что такой прибывший и что он делал в те далекие времена, когда администратор, быть может, только начал меряться в глазах отца, и тогда трубка торжественно передавалась администратору. Тот послушно прижимал ее к угу и, уловив знакомый басок секретаря, в лучшем случае мог произнести примерно следующее: «Я понимаю, Артем Григорьевич, но...». На этом его доводы обрывались. Из того, что говорил секретарь, следовало разбиться в лепешку, а номер сделать. Не будет номера, переоборудовать под номер кабинет директора «Червоне Поділля», а сам он пусть «поркуводит» дедка пока на ходу.

— Что то вони за «турячки» такі! — поинтересовалась однажды самая бойкая из уборщиц. Мотя Охемдишко — веселая, красноречивая дивчина из предместья Должко. — Даже командировочных не мають, а ведуть себця, как настоящие министры! Дай номер — хоч удавиться, а як ни, на администратуру жалуються. И він у нас начальник, и его слухать надо. Як нема, то нема...

И вправді: ни один из приезжих не предвлял командировочного, ни один не вынул вперед ошеломяющего тисненого шиферного удостоверения в кожаной корочке. Они подавали обычный, замальцованный паспорт и только иногда кищички персональных пенсионеров, чаще всевозможного значения. А дальше шли словесные доводы, логические, обоснованные, но отнюдь не похожие на знакомые уговоры разбитых снабженцев, ловких на язык, обученных великому искусству незаметно преподнести миллионную дежурную корочку шоколадных конфет, администратору

Рабочий Московского сталнотростройного завода имени С. Орджоникидзе Евгений Иванов — один из многих тысяч номовиленцев нашей страны, торжественно поплывавших на править все свои силы, знания, разум на великое дело — построение коммунизма.

Фото В. ТЮНКЕЛЯ.

мужского пола—Бутлыну коньяку, а уж самым на вид недостойным в беззащитное, казалось бы, минуто подить почти насильно паспорт, где заложена аккуратная, заманчивая «краснышка».

В одном Митя ошибался. Тот маленький, сухощавый, податный мужчина в синем костюме из материи, именуемой «жаккар», кого все ласково называли Боря, как раз и был министром. Об этом в городе знали немногие, главным образом директор двух институтов, подчинившихся ему. Их он наместил без предупреждения и, проверив работу, попросил не делать лишнего шума о его пребывании в городе.

А было время, рабфакцев Боря, посланный на учебу в этот город комитетом незаселенных селений родного села Приворотье, не раз шагал босиком по здешним мостовым, разгружал вагоны на станции по очередной путевке Пролетстуда, покупал на Цыгановском базаре на заработанные деньги жарявай пельменного хлеба с тмином, съедал его вместе с луком и редиской, не доходя до рабфака, а однажды попал в историю международных отношений.

Это случилось вскоре после убийства советского посла Петра Войкова в Варшаве. Обстановка в округе была накалена, и молодежь города пошла пашком в Исаковичи демонстрировать негодование по поводу злодейского убийства советского представителя.

«Как только сводные колонны комсомольцев и беспартийной, как ее тогда называли, молодежи подошли к Збручу, а взорванному мостам, рабфакцев Боря подкатил колонкиновые ботинки до колена, прошел четкие шаг до середины речки и, стоя там уже на самой линии границы, потрясая кулаком в сторону Опопов Святой Троицы, произнес гневную речь.

«Мы не боимся вас, паны!»—такими сло-

вами начиналось она. Боря громил пинсучиков и польскую буржуазно, которая распространяет в варшавской «Цитадели» пламенных польских революционеров. Он вспомнил, как паны расстреляли во львовских «бригадах» комсомольца Нафтали Ботаника, как злодейски были убиты жандармами на станции Столбцы польские коммунисты Багинский и Вечоркевич. Досталось в речи Бориса и Остину Чемберлену, и Бондуню, и всем тогдашним политикам Великобритании, стремившимся навсегда разорвать отношения с Советской страной. Проводя выступление на грани того словесного фонда, каким некогда запорожицы писали известное письмо турецкому султану, Боря отлично видел, как полицейские в синие мундиры и жандармы на сопредельной стороне резиновыми дубинками загоняли в латы крестьян, жалевших послушать босоногого оратора. Но он не знал еще тогда, что такое «дипломатический протокол» и вообще аса та сложная и удивительно тонкая система международных отношений, которой заведовал с советской стороны старый большевик, лервовзавищий, истаи, и через этот скалистый город на заре нынешнего века дакеты ленинской «Искры», Максим Литвинов.

Потому, когда через несколько дней Борю вызвали в окружном комсомоле и секретарь Гулевя спросил: «Что ты там трепался, Боря, на границе?»—Боря спокойно ответил:

—Говорил всяком. Мало ли... До матер, правда, не дошло, но поругал их крепко!

—А я напомню тебе, что ты говорил. Во первых, сара Остина Чемберлена ты назвал три раза сукой, а Маршала Пилсудского—его колуку!»

—Они того вполне заслуживают!—буркнул Боря.

—Слушай дальше все по порядку слушай!—И Гулевя прочел удивленному Боре всю его речь.

Оказывается, ни демонстранты, ни сам ара-

тор не подозревали, что, пока Боря читал на чем свет стоит мировую буржуазно и тех ее «власюков», что охраняли санитарный кордон против большевиков по Збручу, а кусты позы у самого берега сидел, скривившись в три погибели, один из сотрудников дефинзивы, отличившийся от своих коллег в числе прочих качеств отличным знанием стенографии.

Записывая в своем тщательным образом речь комсомольца Боря через два дня легла на стол польского министра иностранных дел Августа Зелевского. Он дал приказ «перебить» ее по телеграфу в Москву устому и суровому послу Речи Посполитой Станиславу Патаку, и тот повалил с полным содержанием речи на приеме у Литвинова, приводя ее как доказательство того, что мы настроены враждебно против Польши и сами хотим с нею воювать.

Речь Боря совершила обратное движение по проводам телеграфа начальнику погранотряда, тот передал ее Гулевю, а последний, пожив Борю и обяснив ему, что и как, сказал назидательно:

—А если ты и впредь, Борис, захочешь заниматься дипломатической деятельностью, то все-таки согласуй с нами все, что ты хочешь сказать. Не всегда даже самые искренние движения души можно совместить с международной политикой, особенно сейчас, когда со всех сторон мы окружены злобными врагами...

Так впервые босоногий дипломат из Приворотья Боря получил внушение и услышал скучное, унылое словечко «согласовывать». «Много еще историй, воспевающих события тех славных и суровых первых послереволюционных лет на тревожном пограничье, были восстановлены в обоюдных рассказах и воспоминаниях странных постояльцев гостиницы «Червоне Подоле». Беседы продолжались, и, как казалось, что гости поротают свой досуг в ожидании чего-то главного, более значительного, что привело их всех сюда, в родной их сердцу городок.

Дни же они были заняты странными делами, выполнял их по строго намеченному плану. Женщины в те дни сидели на холме братского кладбища у давно забытых могил. Они выпалывали траву и бурьян, укрывали могилы осенними цветами, проносили при себе именца и фамилии левачих здесь, видимо, хорошо знакомых им людей. «Коя», «Митя Одноплазый», «Сонячка Кравец», «Товарищ Вутиш», «Лех Станька».

Давно из привычки зашли в городское адресное бюро, сказали строгой девице с ярко накрашенными ногтями. Занок к Артему Григорьевичу круто переменял настроение краковячки.

—Такое не можем. Не подлетит оглашению!—но ответ на их приветствие и даже не отрывая взгляда от разложенных перед них бумаг, сказала строгой девице с ярко накрашенными ногтями. Занок к Артему Григорьевичу круто переменял настроение краковячки.

Она оказалась настолько любезной, что не только выделяла восточные обязанности комитату, но поспешно перетачала туда данные ящики с карточками, на которых в алфавитном порядке были нанесены фамилии старожилы города и тех его граждан, которые расценивались тут уже после войны. Последней было гораздо больше, и потому лишь изредка тишина нарушалась вопросами: «Слушай, Митя, вот Навроцкий Иван, не тот ли, что был секретарем ячейки «электростанций»? «Нет, тот был Стасик, Станислав»,—отвечал Митя. И строгой девице, слыша через дверь переговоры, так и не могла понять, что эти люди, обремененные таким доверием секретаря городского партии,—рабочники ли столичного угольного розлива, либо какие-нибудь приезжие историки!

Варуг Митя сказал:

—Слушай, есть Учитель. Семка Учителя, то есть Семени Это тот самый! Ведь мы его через два года снова приняли в организационный комитат, то есть в комитат. Записывай адрес!»—ответил снова гость.

«Да, заведующий медицинской мастерской райпромоисполкома Семан Яковлевич Учителя, покойный, устатый старик с прокуренными желтыми усами, оказавший там самым своим именем, имя которого, как летняя гроза, прогремело в один из июльских дней 1924 года по-

чти на всех комсомольских собраниях города. В тот жаркий знойный день вся комсомольца вышла на улицы города с кружками и жетонами собирать деньги на ликвидацию датской беспризорности в стране. Один атаковал на красном мосту крестьянок, несущих на базар кошечки, полные розоватых яиц, свежее мясо, завернутое в морские, глянцевые листы хрена, и круги засиявшей, пахнущей дымком и чесночным запахом подлинной украинской домашней колбасы.

Другие сборщики навешивали жетоны советским служащим, пограничникам в щеголявших зеленых фуражках с лакированными, короткими козырьками, кустарям и пчеловодам, а какой-то предприниматель перенек навесил жетон даже польско-фольварческому попу, отцу Серафимовичу, длинному и худому священнику с окладистой бородой.

— Давай, давай, бить, а бедных детей, что под вагонами ночуют! И не сжалеешь! У тебя все такая усадьба над скалой и домиком, дай бог, а детуру нашу выси едят! Рескошелявись! — приговаривал сборщик, слыша с удовольствием, как падает в кружку поповский гривенник.

Польскими фольварками называлась окраина города с ее белой Георгиевской церковью, куда забрели сборщики вместе с Семой Учителем.

Было очень жарко, а Семка очень хотел пить и, на секунду поддавшись порывкам «проклятого прошлого», отошел за рюкзак базарчика, вытис из кружки литр конеки и сразу же, подойдя к торговке, выпил у нее на ворованный пятак два стакана воды с двойной порцией зеленого сиропа «Свежее сено». Преступление не укрылось от зорких глаз шустрого сборщика из железнодорожной ячейки, того, что даже попа сумел атаковать. Он подбежал к Учителю и, схватив его за шиворот, закричал:

— Ты что же, гад, делаешь? Стягатель! Перерожденец! Ведь хуже Врангеля ты, если у беспризорных детей на свою прихоть деньги отнял!..

Несмотря на слезы, обещания не делать больше ошибок, несмотря на полное признание, Семку Учителя исключили из комсомола. И только через два года, проведенных им в муках, простым «посещающим» открытым собранием ячейки, смог вернуться он в организацию. В последней войне, будучи капита-

ном и командиром батареи, дошел Учитель до Морской Острова и там в бокз за чешский город потерял левую руку. Теперь он не только радостно встретился с друзьями, но и с полуслова понял их просьбу, сказал: — Консервные банки я ингом организую, галки мы доставим, и, как это делается, я не забыл. Ты разве не помочишь, Митя, как мы шагали с ними на вокзал, чтобы отправиться в Берлин, на помощь спартакотцам, помочь германской революции, которую хотели задушить всекие Носки и Шейдеманьи?

— А в то самое время проиhrнная Мота Охандушко, убирая один из номеров, обнаружила под кроватью Евгения Караяна, прибывшего из Ростова, два бидона с керосином. Ее искреннему возмущению не было предела:

— Ну, до какой халеры ясной им керосин! Электрика горит весь день, примусы ни керосинки не имеют, внизу «Чайная» — горячее

есть. Може, до Ростову хоче повезати? Неже там керосину своего немає!

А Евгения Самойлова Караяна, заводящая одной из самых больших школ Ростова, вооружившись ножницами, срезала в эти минуты на Прозерной успевший уже побарговать шиповник и не подозревала, как честит ее Мота Охандушко. Она наклоняла ветку за веткой, ножницы ловко работали в ее руках, а высокий, плотный профессор медицины, которого она ласково называла Митей, подхватывал ягоды и бросал их в распахнутую женскую сумку.

Внизу, под обрывом, бистела медленно текущая речушка Смотров. Когда-то, в двадцатье годы, у самой пропасты там стояла скамеечка. На ней сидела она однажды луной ночью вместе с этим самым Митей, членом бюро окружного комсомола.

Митя попытался, как говорит, кем с того ни с сего, обнять свою подругу, комсомолку из швейной мастерской Церабкоопса Караяна, но она отстранила его и сказала:

— Шу, Митя, как не стыдно! Межданце же зтой! Скажи лучше, что завтра будем обсуждать в клубе!..

Пристыженный Митя медленно отвел руку и прубурчал:

— В клубе будем завтра обсуждать текущий момент!..

Сейчас, спустя более чем четверть века, Евгения Самойлова, улыбаясь, кивнула в сторону места, где стояла скамеечка:

— А ты помочишь, Митя, там... Той ночью! — Ну как же! — засмеялся профессор. — Текущий момент!

— Смотри, у тебя память хорошая. Я часто вспоминала ту ночь потом не раз, и что-то такое хорошее подступало к сердцу, что слезы навертывались на глаза! Какие мы были, Митя, чистые, наивные до смерти и «заклятые врагам», но прежде всего преданные делу нашему کیا все сто, с полной отдачей. Все, что есть, до последней нитки, до последней иривки — все для революции!..

В кинут самого торжественного в нашей жизни праздника — годовщины рождения Советской власти под стенами здания, в котором раньше помещался комсомольский клуб, стали собираться прибывшие в город без командировочных удостоверений люди.

К собравшимся на тротуаре гостям подтягивалась городская молодежь, та уже ее послевоенная поросль, что не только живого полицейского, но даже фашиста не видела. Незвестно какими путями прослышав о том, что задумано, молодые хлопцы в узких брюках, отнюдь не инпюминающих те «кешши», которыми некогда так гордились их отцы, деvушки в кокетливых косынках прислушались к оживленному разговору старших.

Потом вынесли из здания фаволы и роздали их не только прибывшим гостям, но и тем их друзьям и соратникам, кому удалось разыскать в адресном столе городе. Один фавел взял Семен Яковлевич Учитель, ведавший в

Шли нынешней Ленинградской и вспоминали, как не раз бежали опрোмято по ней, проламывая лужи, затянутые первыми льдинами наступающей зимы, к штабу ЧОНа. Бежали для того, чтобы получить винтовки и занять посты в густых тропичках, на постуках к родному городу, потому что прорвавшаяся через границу банда петлюровского атаманчика Юрия Тютюнника повернула от Черного Острова к городу.

Потом запыли зvonкую и бойкую «Карманьолу».

Когда же начали «Туман яром котится, краше жить нам хочется», песню подхватили задние ряды, и молодые, звонкие голоса разнесли песню эту, и поплыла она над городом в тот прекрасный, предрадничный вечер. Освещаемая факелами колонна полукругом остановилась у братского кладбища, где были похоронены жертвы первых лет борьбы за Советскую власть. Букеты осенних цветов в молчании возложили на могилы.

Освещенная светом факелов, Жена Караяни взорбелась на скамеечку и сказала:

— Дорогие друзья! У каждого человека есть явления пружить еще раз молодость, пережить то, во что он верит, что любил, чему отдал всю свою жизнь. Потому-то мы, первые комсомольцы на этой земле, и решили во что бы то ни стало съехаться в родной нашему сердцу город накануне праздника, накануне годовщины того великого дня, когда наш любимый Ильич и партыи своим разумом вдохнули новую жизнь в ленинскую иранную России.

Кто был комсомольцем в те первые годы Советской власти, никогда не состарится, пусть и влосы и нето сердце, пусть тект дней будет бится всегда в его сердце! Приехали мы сюда, размыслили старых друзей еще и потому, что нам хотелось не только поворошить собственные воспоминания, но и для того, чтобы, словно по эстафете, передать и вам самое святое и ценное для человека — его веру в то, за что он борется, чему служит. И на этой земле лежат люди, создавшие Советскую власть, отдавшие жизнь за нее. Здесь похоронены и Никодим Александрович Зубров и его жена Мария Войцеховна Савицкая, зарубенная махновцами. Они поменялись в этом городе на третий месяц после того, как в Петрограде была провозглашена Советская власть, и оформили свои отношения по-новому. Хотелое-то из вас и знает содержание их брачного свидетельства, но, зная его сегодня в музее, я очень хочу прочесть его именно здесь, именно сегодня, в канун великого праздника. Ибо этот документ звучит как музыка тект первых, послереволюционных месяцев. Слушайте: «Акт гражданского брака, состоявшегося в Городской управе по распоряжению Советской власти 25 января 1918 года на общем собрании, в восемь часов вечера. Мы, нижеподписавшиеся, гражданин Никодим Александрович Зубров и гражданка деревни Мушка Китайгородская Мария-Агнешка Войцеховна Савицкая, дали свою торжественную клятву Совету Народных Комиссаров, что мы вступаем в настоящий гражданский брак не ради выгоды, не ради грязных эгоистических стремлений, а ради удовлетворения порывов лучших душевных чувств и идеалов святой любви. Мы клянемся, что, вступая на новую дорогу социализма, свято и строго будем исполнять свои товарищеские отношения, и если жизнь потребует отдать молодость в жертву Революции, то без всякого ропота мы отдадим ее алтарю свободы всю свою иность. Причем, если совесть наша когда-нибудь станет являть, если взгляды на вещи мы не сохраним, если или политические убеждения будут нарушать наше семейное счастье, мы должны будем разойтись, оставаясь друзьями и хорошими знакомыми». В чем и расписываемся, Никодим Александрович Зубров, Мария-Агнешка Войцеховна Савицкая».

—Тихо стою вокруг.

Только слышно было, как потрескивает, подпрыгивает пламя, выссывая керосин из дымящих факелов, бросающих отсветы на молчаливые лица стариков и молодежи.

— Гей, нумо, хлопцы. Ви комсомольцы. Треба нам в спилку еднатися. Пану главному, богу сподоби, Годявине нам покорятися...
— А вы чего не становитесь, ребята? Особое приглашение требуется? Давайте, подстраивайтесь за нами...
Зрителя стали демонстрантами, и колонна под пылающими факелами двинулась по улице Котляковского к центру города, и кто-то из шедших в первой шеренге зашел, к сожалению, сейчас забытую песню тект прекрасных лет.

— Люди, подписавшие документ, лежат в этой земле, — сказала, помолчав, Евгения Самойлова. — Они отдали свою жизнь делу революции. Они свято верили в правду своего дела. Так пусть же и в нас, в юных вайшерах, пылает эта горячая вера, как эти факелы света, всегда беспокойная, неуспокоенная, зовущая вперед, до самого последнего дыхания пусть наполняет она всю жизнь вайшу!..

—Уже когда все сидели за столами в чайной Митя, перегнувшись к Евгении Самойловой, сказал:

— Это ты правильно сделала, Женя, что прочла сегодня именно такой документ!

— Видишь ли, Митя, есть такие исключительные документы, которые напоминают песню.

— Ты и пропел! — пошутил Борис.

— Так напомним же! И сегодня! Как в двадцать первом, в канун такого же праздничка! — сказала Женя, поднимая чашку, наполненную темноватой жидкостью, и тут же, сплоскавшись, сказала Артему Григорьевичу и его соседям:

— Вы извините нас и за эту выдумку и не считайте ее чудачеством. Но в тот вечер большинство из ваших нынешних гостей ухлыло здесь, в совпартишколе, на улице, которая потом была названа в честь первого начальника совпартишколы, стойкого коммуниста Втушка. И вот в канун четвертой годовщины Октября мы собралась все в курсантской столовой за ненакративши основными столами и пили чай, настроенный на шиповник, с сахарником и ячменными хлебцами! И сегодня, перед ужином, чтобы напомнить старое, мы повторим то же! Тем более, извините за дерзость, настоящий чай в вайшей чайной так до сих пор готовят не научились...
— И сахарник здесь есть! — спросил Артем Григорьевич, кивая на чашку.

— Да, я привезла его из Ростова. С трудом, правда, нашла, но привезла, чтобы все было, как тогда...
Каким только лесин не были пропелы в ту предрадничную ночь за сдвинутыми тесно столами! Воскрес и знаменитый, переменивший, но совершенно забытый сегодня «Щепленок»:

Пытлений жареный,
Щепленок жареный,
Пошел по улицам бродить.
Его поймали,
Арестовали,
Велели в нардер посадить.
— Да на вайше
Сидят бодре,
Подняла на Пушкина очин:
Смеши нам, Саня,
Ты гордость наша,
Когда уйдут большевники?
Мы не музьяемте,
Но кукарекуете...
Пропел им Пушкин тут стихник:
Ктода вербулю и рай
Станцуют большевники!
Тогда уйдут большевники!

Вспомини sentimentalную «Розу»:

Белая роза — Деникин,
Черная роза — Махно,
Красная роза — Колчак.
Все мы умрем за нее!

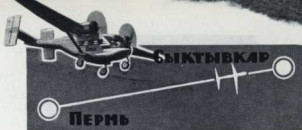
—А уж совсем под утро, когда офидантки убрал столы после ужина, все ашли на крыльцо гостиницы, чтобы пройтись пешком к Новому столу, соединяющему Старый и Новый город. Вышли встречать зарю.

Артему Григорьевичу осторожно задал Евгению Самойлову под руку и, идя с ней рядом, сказал:

— Как хорошо, что вы приехали! Мы часто в «текущие» немало улываем и забываем. А ведь как же можно забывать об этом! Ведь это жвава история! Оно должно пылать всегда, оно не должно угаснуть. Мы богаты ею, как нито в мире, потому что за сорок с лишним лет наш народ сделал то, что другим не под силу и за столетия.

—А факель-то я, Артем Григорьевич, собрал и спил в горном, — сказал Самыи Яковлев, — сторож не хотел было приморить, но я настол.

—Правильно настол, Яковлевич, — улыбуясь ему секретарь. — Они нам все понабоятся.

10.000 КИЛОМЕТРОВ по просторам Родины

из бортового журнала ПЕРЕЛЕТА

КАК РОДИЛАСЬ ТЕМА

Тайга, тайга... Серое небо с низко проносящимися равными, набрызганными влагой облаками, а под ними тайга. Сверху кажется, будто зеленой меховой шубой наглухо, от края до края, накрыта земля. Мест местами темный — черство сосны, ели; у озер, вдоль бурных речушек и ручьев — желтоватый; там хвойные оттеняются лиственными, и на всем уже лежит багровый отсвет северной осени.

Кое-где торчат тонкие белые бережки. Это места вырубок со следами старых дорог. Это и серые от пепла участки, где лес пал не от руки человека, а от огня. Рядом с поваленными обрубившимися столбами яре обычного выладит свежая зелень молодой поросли.

Уже третий час наша «Пчелка» продирается сквозь мрачные дебри туч, обходя грозные фронты, врзаясь в клубы тумана, двинувшись по самому краю прощившейся зыбкостью молний дождевой завесы. Мы летим в Сыктывкар, столицу республики Коми. Город покрывался нам еще сверху. Еще больше покрывался он нам «снизу», когда мы ходили по его зеленым, покрытым асфальтом улицам и площадям, подобно осматривая красивые многоэтажные дома, клубы, кинотеатры, красочно оформленные витрины.

Много интересного есть в Сыктывкаре. Можно было побывать у местных строителей, в филиале Академии наук СССР, на кожевенно-обувному комбинате. Но...

На пути от Перми до Сыктывкара нам то и дело попадались поселки лесозаготовителей, делянки, узловые трелевочные тракторами, автомашинными, нагруженные бревнами. Потом реки — и плоты, плоты... Не нужно было заглядывать ни в какие справочники, чтобы понять: лес — основное богатство республики. И мы решили: расскажем о лесозаготовителях.

чет сказать этим: «Я из тех мест, где Гагарин родился!» Позвонится — вот, мол, я какой! Не похоже. Не из тех он, пожалуй, кто любит греться в лучах чужой славы.

Трактор уходит на лесосеку. Мы бродим по лесу, встречаемся, разговариваем со многими людьми, и все это время достается до нас приглушенный расставленным гул, мажорная о том, что где-то тут есть такой человек Владимир Ильин, земляк Гагарина, что ни на секунду не прекращается трелька древесины на участке его бригады.

Неподалеку работают его друзья. Слово живая, стрекочет, дрожит в руках молодого вальщика Григория Гусева бензопилоторная пила «Дружба». Тяжело грохочет о землю сорокметровые сосны.

Примерно в двух километрах от лесосеки бригады Ильина — карьер. Один за другим отсюда вывозят нагруженные песком самосвалы. Песок нужен для ремонта дорог.

— Ох, эти дороги! — вздыхает местный «дорожник» брат Валентина Брочина. Воздух ев попятен без объяснений. Осень, дожди, распутица. Время, когда на всех работах собранных говорят и во всех «боковых листьях» пишут об одном: «Успех лесозаготовок зависит от вас, дорожники»...

Как дорожный мастер Валентина полностью согласна с такой постановкой вопроса. Но как секретарь комсомольской организации считает, что этого мало.

Есть в тридцати километрах от лесопункта ручей Чукта. Там можно вылить лес и прямо с лесосеки на автомашинки, а по воде, минуя нижний склад, переправить в реку Сысоло. Только место это глухое. Жить там придется по-походному и не неделю, не месяц, а целых два...

Инициатива нужна, беспокойство за честь своего предприятия, способность перенести трудности ради общего дела.

И желающих поехать нашлись. Весной, когда тогда была распутица и откаты дороги, на участке у ручья Чукта работали тридцать энтузиастов. Нелегко им было: неуютно, холодно. Не садился! Путь с полновинной тысяч кубометров древесины заготовили. Это-то кубы и решили весной судьбу пила.

На осень задание поменьше. Водой ручьи победнее, много им не сплавить. Да и, пожалуй, труднее будет: время ведь не к лету, а к зиме.

Собираются в путь бригадир Андрей Лапшин, раскрывающий комсомолку Иван Воловатов, тракторист Геннадий Гилев... Собираются на дальнюю кубовую пожелой электромеханик Алексей Иванович Муравьев. Не по душе ему отставать от молодых — сдружился с ребятами, когда весной работал вместе с Чуктой.

Хочется и Валентине поехать с ними, да вот беда — дороги не пускают. Ох, уж эти дороги!

Четыре лесопункта, подобных Гаринскому, — это, казалось, леспромохоз. Немало леспромохозов в республике Коми. На огромном пространстве тайга оглашается гулом трельвочных тракторов, мачин лесосовальных автомашин, треском бензопилоторных и гудением электрических лифт, ухаживающих падающих деревьев. Это штур-

Мокрый, раздвоенный автомобильным шиномехаником проселок, маленький деревца по обочинам и в одном месте две огромные березы, как белые столбы высоченных ворот, — выход с лесосеки. Там за ними — ухабистая колея, хвойное крошево, крапиволистные пни и натужный гул трельвочного трактора. Показываются его скошенный лоб, потом забрызганный глиной бок и авталаненные на спину брызги, хлопчатые по земле хлысты. Трактор, зарева, пролезает в ворота и выбирается на дорогу. Вздрыгивают березы, медленно кружатся, сплетают на землю желтые листья. На площадке, у обочины, водитель сбрасывает груз, резво разворачивается и прямо через кусты в горящих сучьях снова выводит машину на дорогу. Оставаблывается, не спеша вылезает из кабин, валькой походкой идет к нам — коренастый, смуглый, в кирзовых сапогах, в сдвинутый на затылок измайотке кепке.

— Лето вы ездит!

— Привычка. Я служил в танковой части...

Так мы знакомимся с Владимиром Ильиным — бригадиром Гаринского лесопункта Сыктывдинского леспромохоза. Гаринский лесопункт — один из лучших в леспромохозе. Какой участок им возаны — заготовку, трельвочку, раздачу древесины, — всюду есть сверхплановые кубо-

метры. Ильин называет цифры, хорошие цифры. Несколько минут назад их называл нам начальник лесопункта, подполковник, по-военному податный Константин Ильич Лучин. Слышали мы о них и от мастера верхнего склада, секретаря партийной организации Владимира Петровича Чабанова. И вот снова цифры, кубы, кубы...

— Ну, а как ты сам, как жизнь идет, Володя?

— Жизнь идет нормально. Вот он, лес! Красота кругом какая! Воздух свежий, чистый, хоть лей его! А грибов в этом году — прелесть! Сто шагов пройдешь — ведро наберешь. Жена у него мастерица солить грибы. И Людочка — дочка — любит собирать их. В пятом классе учится. Умница...

Он то и дело поглядывает на дорогу. Разговоры разговорам, а о деле забывать нельзя. Надо к приходу «МАЗа» навостить хлыстов. Как бы простой не получились. Этого никак нельзя допустить... Рассказывая о своей жизни, Владимир всякий раз возвращается к кубометрам древесины. С ними, с этими кубометрами, у него, как у сталева с металлом или у шахтера с углем, связано все: повседневная забота, планы, мечты, жизнь. О любимом им деле речь зайдет, о профессии, выбранной среди тысяч других, о рабочей ли чести, о твердости слова, данного Ильиным и его товарищам, или о достатке в семье лесоруба — не миновать разговора о кубах...

Нездолго до нашего приезда на лесопункт обсуждалась новая Программа партии. И особенно горько — перспективы развития лесной промышленности. Ведь это — кровное дело гаринцев. Пришли к одному: поскорее довести заготовку леса до ста тысяч кубометров в год, как предусмотрено планом в 1963 году...

Обсуждали до позднего вечера. В ступившихся сумерках замигались огни поселка. Было в нем все для того, чтобы не забурела в лесу человек: и хорошие дома, и столовая, и баня, и школа, и клуб... Люди, однако, говорили и думали не только о том, что есть, но и о том, что будет. Почему бы им не жить еще лучше! Растет объем лесозаготовок, растет поселок. Меньше однокомнатных, больше двухкомнатных квартир. Телевизоры всем завести... Кубы и квартиры, кубы — и телевизоры... Труд — и быт, проценты — и культура — все в теснейшей связи, в переплетении, все, как в расказе Владимира Ильина о своей жизни...

— А вы знаете, я ведь из тех мест, где Юрий Гагарин родился, — говорит он вдруг, казалось, без связи с предыдущим, — земляки мы...

— Встречались не приходилось?

— Может, и встречались. Не знаю... Дело не в этом.

— А в чем?

Ильин молчит, только смущенно улыбается. Что же все-таки он хо-

муют вековую чащобу добытчики леса. Мы видели их с самолета на пути к Сыктывкару, встречали на лесных дорогах и еще не раз встретим, двигаясь дальше на север, к Белому морю.

Верткий «газик» трясет нас до города. Там, на речной пристани, пересаживаемся в катер и по тихой, забитой плотами Сысолое добираемся до Максиковской сплавной конторы комбината «Вычегда-лесосплав». Светловолосый, невысокого роста человек, у которого так туго с временем, что на беседу с корреспондентами можно выделить не больше десяти минут, рассказывает о предприятии, которым он руководит. От Василия Федоровича Верховцева мы узнаем, что Максиковский рейд — один из крупнейших в стране, что за навигацию он принимает, обрабатывает и отправляет свыше двух миллионов двухсот тысяч кубометров древесины, а если учесть, что здесь систематически параллельно плывут, то и того больше.

Весь остаток дня мы ходим по плавучим мосткам гигантских запятой орудуют баграми молодые парни и девчата, отсортировывая и подводя разнокалиберные бревна к огромным сплочным машинам. Можно без конца любоваться работой этих умных и мощных агрегатов. Через каждые две минуты они выталкивают на водную гладь реки крепко увязанные «пучки» бревен... Молодой словоохотливый бригадир сплочиков Яша Шульц знакомит нас со своими товарищами, рассказывает о том, как с поздней осени до весны вся его бригада работает в лесу: сам Яша — трактористом, машинист Володя Гумель — помощником вальщика, бригадир Екатерина Шилова — прикомандован на зимнем складе... От него же узнаем, что на Максиковский рейд лес поступает из восьми леспромохозов, в том числе и из Сыктывдинского. — Значит, и с Гарьинского лесопункта!

— Конечно. Глядя на уплывающие вниз по течению «пучки» бревен, мы думаем: есть тут и Володины кубы...

А на другой день утром «Пчелка» поднимается в воздух, и вскоре остаются далеко позади, тают в голубоватой дымке Сыктывкар, река Сысоло, Нижнеговский рейд, где из «пучков», связанных максиковцами, формируются большие плоты. Неутомимые работники катера тащат их по Вычегде. Потом такие же плоты мы увидели на Северной Двине и еще дальше — в Архангельске. Нас поразила гигантский порт на Белом море: мощные подъемные краны, бесконечные желтоватые штабеля пилочника и огромные корабли с раскрытыми ластями трюмов, потлощающими лесоматериалы. Корабли были под погрузкой, на рейде... Во все концы света идет лес, заготовленный в республике Коми, в Сыктывдинском и других леспромохозах, на лесосеках, вокруг затерявшегося в тайге Гарьинского лесопункта...

И тогда снова вспомнился нам Володя Ильин, и сам собою пришел ответ на возникший во время встречи с ним вопрос. Нет, не тщеславие говорило в нем: «Я из тех мест, где Юрий Гагарин родился...». Говорила гордость человека, сознающего, что его труд нужен стране, что, как и прославленный космонавт, он работает на коммунизм.

День и ночь по Северной Двине плывут плоты.

ВСТРЕЧА с ЛОМОНОСОВЫМ

Он сидит в спокойной позе и задумчиво смотрит вдали. Под ногами плещут волны цветов, за спиной высятся здание школы, впереди сеberится лента реки, белуют Холмогоры. Но взгляд его, кажется, простирается куда-то за эти размахившие до самого горизонта, тронутые багрянием леса, словно видится ему весь его северный край, вся Россия — огромная, могучая, просвещенная и свободная, — Россия его мечты, его пророчества...

Ни разу еще не приходилось нам встречать такой необычный памятник Михаилу Васильевичу Ломоносову. Он вовсе не искусные друзья, но производит особое впечатление благодаря той удивительной атмосфере, которой окружено на родине гениального ученого все с ним связанное.

О Ломоносове здесь говорят так, будто только что видели, как прошел он по улице, ступая по чистым деревянным мосткам, оставшимся около одного из бревенчатых домиков, заглянув в окна с разными наличниками. Тут свернул за угол и направился в сква-

рик перед школой, там присел отдохнуть, задумался о чем-то...

О нам знают здесь все и говорят, как о добром соседе, как о старомиле. Вот его домик. За домом видна церквушка, при которой жил дядя, обучавший его грамоте. А вот этот еще крепкий старик, что установился возле сельского клуба, — пенсионер Дмитрий Михайлович Лопаткин — его дальний родственник, потомок сестры.

В честь Ломоносова перименовано село Денисовка, его имя носят местный колхоз, школа художественной резьбы по кости, фабрика, где трудятся замечательные косторезы...

Есть на этой фабрике особая комната. Там в шкафах под стеклом хранятся образцы изделий лучших мастеров. С интересом рассматривали мы чудесные кубки, шкатулки, всевозможные скульптурки, поражали фантазии мастеров, их искусству. И совсем не легендой показался нам услышанный от одного из местных стариков шутивый рассказ о том, что раз в году приходит в эту комнату сам Михаил Васильевич и долго смотрит выставленным

здесь изделиям. Подолгу будто стоит он около каждой вещи — строгий, сразу не поймешь, то ли нравится она ему, то ли нет. Осмотрит так все и выходит из комнаты просветленным, улыбается... Хорошо работают мастера, не хуже, чем их деды и прадеды. Не потеряла своей красоты, актуности знаменитая холмогорская резьба по кости...

Не только не потеряла, но и еще богаче стала! Любуются знатоки работами Парфена Черныковича, Александра Гурьева и только руками разводят: красиво, талантливо! Два года назад их изделиями восхищались посетители советского павильона на Брюссельской выставке. Журни тогда присудило мастерам серебряные медали.

Нет, но легенду рассказал нам старик.

Не с памятником, а с живым Михаилом Васильевичем каждый день встречаются ломоносовцы, проходя мимо школьного сквера. Ни тяжелой неподвижности бронзы, ни внешние приметы человека из другой эпохи не в состоянии развеять ощущения того, что тут он, рядом, строго следит за их работой. Во-

ИЗ БОРТОВОГО ЖУРНАЛА ПЕРЕЛЕТА

НЕПРЕДВИДЕННАЯ ОСТАНОВКА

Из Сыктывкара мы не сразу попали в Архангельск. На нашем маршруте был пункт, мимо которого мы не могли пролететь: Холмогором и то маленькое село, откуда в морозный декабрьский день 1730 года ушла в Москву учиться человек, имя которого золотыми буквами вписано в историю мировой культуры. Скоро человечество будет отмечать 250 лет со дня рождения гениального ученого, поэта, мыслителя-материалиста, просветителя. Разве можно было не помянуть в местах, где он родился?

Так наша «Пчелка» приземлилась на зеленой лужайке, в десятке минут ходьбы от села, носящего имя Михаила Васильевича Ломоносова.

Когда мы прилетали на очередной аэродром для заправки «Пчелки» и рассказывали местным авиаторам о нашей машине, они открыто выражали свое неверие и скептицизм.

Это когда в воздухе «Пчелка» демонстрировала свои великолепные летные качества, лица пилотов становились такими, как на этом рисунке.

круг него режутся детвора — мальчишки и девочки в красных пионерских галстуках. А у входа в скверик на ограде укреплен щит со словами призыва: «Товарищи животноводы! В третьем году семилетки получим в среднем по колхозу не менее 3350 килограммов молока от каждой коровы!»

То, что уже сделано его земляками, что ими задумано осуществить в будущем, принадлежит ему ничуть не меньше, чем любому нашему современнику, ибо всегда верил он в могучие силы народа и предался много...

Высится в Москве на Ленинских горах величественное здание основанного им университета. Университетским стали десятки городов, идут занятия в десятках тысяч школ, техникумов, вузов. Просвещенной стала Россия, все ее углы. и Холмогоры и некогда «славившаяся одним граммом дьяком Денисовка».

Мы ходили по селу, встречались, разговаривали с жителями, посматривали на окна: не мелькнет ли седая голова какого-нибудь старого-престарого человека, такого, чтоб столетнюю давность помнил, рассказал, как это

раньше распивать не умели... В окнах мелькало совсем иное: цветы, радиоприемники, полки с книгами... Старик поглядывал ссоразвующе: как Москва поживает? Не встретишь ли нарочно там наших, ломоносовских?..

— Разве есть такие?

— А как же. Вот Тамара Большакова. Та, которая...

Никто не припомнил, кто и когда подливался крестиком. Нерамотных теперь нет... Но зато любому было известно, что мастер-костюрье Тамару Большакову, наравне с Чернышевским и Гурьевым, получившую серебряную медаль от жюри Брюссельской выставки, фабрика послала в Москву учиться; что выросшая тут, в селе, Меруся Горбатова сейчас студентка Московского университета, а сын колхозника Юрий Смирidonov — аспирант ИГУ...

О них помнят, их ждут здесь, как ждали возвращения Тамары Гурьевой — ныне заведующей учебной частью в местной восьмилетней школе.

Тянет к себе, не хочет отпустить Северная Двина тех, кто родился и вырос на ее берегах. Вернулась домой после окончания медицинского института сестра Тамары — Валентина. Работает в Холмогорской больнице. Вернулась с дипломом педиатрица и вторая сестра, Мина. Не захотели расстаться с Севером после учебы в вузах Казань и Владимир Гурьевы. Счастлив пенсионер Петр Степанович Гурьев: настоящим людям выросло все пятеро его детей...

— Сто шестьдесят человек у нас со средним и высшим образованием, — рассказывала нам директор ломоносовского музея Татьяна Александровна Антипина. — Наша интеллигенция!.. Представляет, это в бывшей-то Денисовке.

В Холмогоры широко распахнуты двери одиннадцатилетней зоотехнической техникума. И ни для кого ни там, ни в Ломоносовке не было новостью, что в ближайшем будущем техникуму перейдет в новое помещение, начнет строиться школа механизации сельского хозяйства, откроется музыкальное училище...

Смотрели мы, слушали, и во всем этом — в книжных полках, что попадались нам на глаза в домах, в расказах о ломоносовцах-ломосвичках, о местной интеллигенции, в облике школьников, торжествующих на занятиях, — словно в десятках маленьких зеркалец, виделось нам живое отражение того, как претворяется в жизнь замечательное предначертание Программы партии: «В течение ближайшего десятилетия осуществлять обязательное среднее общее и политехническое одиннадцатилетнее образование для всех детей школьного возраста и образование в объеме 8 классов для той части молодежи, которая занята в народном хозяйстве и не имеет соответствующего образования».

Учится бывшая Денисовка, учится Холмогоры.

Еле виднелся у поворота реки уходящий вниз по Северной Двине парокор. Еще на год расставались с родными местами студенты, уезжавшие в Архангельск, в Москву... Смотрел им след Ломоносов, и казалось, вот-вот разомкнутся бронзовые уста и скажет он, не присутствуя потомком; учитеcь, умножайте славу науки российской!

Мы стояли у подножия памятника. На гранитном постаменте бросалась в глаза надпись: «М. В. Ломоносов. 1711—1765». Хотелось подойти и стереть последнюю дату, дату смерти, потому что Ломоносов продолжает жить.

В Архангельске, прямо над собой, почти в зените, мы увидели Полярную звезду. И вспомнились нам южная граница — там ночью мы тоже смотрели на звезды: Полярная звезда висела почти над горизонтом.
До чего же велика ты, наша Родина!

...По воздуху движется вертолет. Пункт назначения — село Ломоносова, Архангельской области. Сюда надо доставить груз. А груз особый, Коллектив Московского государственного университета имени Ломоносова шлет подшошей сельской школе необходимое оборудование для физического и химического кабинетов.

Эти кадры из нового фильма «Страницы великой жизни» по-своему символически: крупнейшее высшее учебное заведение, иначе нива великого русского ученого, заботится о подрастающем поколении, о судьбах из села, с которым связано многое в жизни Михаила Васильевича Ломоносова. Она создавалась болышии коллективами кинодраматургов Ленинграда — представителями трех студий: хроника, научно-популярной и художественной («Ленфильм», сценаристами П. Бакушиним, А. Морозовым, В. Сусловым и Л. Рахмановым, режиссерами М. Шапиро, В. Мельниковым и М. Авербахом.

Фильм состоит из трех новелл: документальной — «На земле его юности», научно-популярной — «Определявший» время, и художественной — «Явление Венеры». Каждая новелла — произведение самостоятельное. И в то же время все вместе одно, органично дополняя друг друга, создают цельное киноповествование о жизни и деятельности нашего великого соотечественника.

Много интересного, нового узнают и увидят кинозрители из очерка «На земле его юности», которые открываются в фильме, совершат увлекательную киноэкспедицию по северной земле, родным местам Ломоносова, познакомятся с бытом того времени. Эти кадры сняты на экране инновационно-режиссером о современном селе, об экспозиции мемориального музея, о приютом покоем Ломоносова — вихозном почтальоне Я. М. Лодыгина.

Следующая новелла — «Определявший время» — вводит нас в мир научных открытий и исследований Ломоносова. С помощью многочисленных документов, писем, чертежей, рисунков, ситых на пленку, кадры воссоздают картину деятельности Ломоносова-ученого, показывают многогранность русского гения, который своим великими открытиями намного опередил современников.

Помимо своеобразия постановки

документов, зрители увидят на экране моменты дома, где жил Ломоносов, его герарь, лаборатории, познакомится с рядом малоизвестных гравюр и картин.

В третьей части фильма показывается художественная киноновелла «Явление Венеры», подчеркивающая гениальность русского ученого, значение его выдающегося

открытия, доказывающего существование атмосферы на планете Венера. В роли Михаила Васильевича Ломоносова снимался народный артист РСФСР Л. Галкин.

Итак, три разные новеллы, три разные студии, а фильм получился цельный, содержательный, интересный.

Л. ОСИПОВ

ЗАБЛОТЫ МОЛОДУХ

НИНА ДРОБЫШЕВА

Многие письма, которые молодая актриса Нина Дробышева получила после того, как фильм «Чистое небо» вышел на экраны кинозрителей, начинаются так: «Здравствуй, дорогая Сашенька! Я знаю, что Васюшка Нина Дробышева, но для меня Вы навсегда останетесь Сашенькой Лавовой, замечательной русской девушкой!» Письма приходят из самых отдаленных уголков нашей страны, от людей, различных по возрасту и профессии. Сашенька Лавова стала для них дорогой и близким человеком. И ней обращаются, как к уютному и старшему другу, человеку большой и трудной судьбы, который может помочь: «Чужой горе, чужую беду». А актриса всего 22 года.

Отец ее погиб во время Отечественной войны. В детстве Нина обходилась без ее выступления. Но потом, поняв, что ее настоящее призвание — театр, Нина поступила в студию Ленинградского ТЮЗа. Уже после первого семестра руководитель курса профессор Л. Макаревский отметил способную студентку, да первую роль — олимпиадника в бейсбольном матче. А через год Нина была зачислена в труппу театра и получила «Я твой сын, Гватемала». И вдруг неожиданности: режиссер

Павел Вайсбрин приступил и постановке «Ромео и Джульетты» и роль Джульетты поручил Нине.

«По всей вероятности», — говорит Дробышева, — если бы я не играла в театре Джульетту, то не было бы в кино и Сашеньки Лавовой. Во-первых, потому, что долги и кропотливая работа над образом шекспировской героини подготовили меня и фильму. А во-вторых, именно в роли Джульетты меня увидел второй режиссер «Чистого неба» Глазков и пригласил работать на роль Сашеньки.

Сменив в фильме на всю жизнь останутся в моей памяти как самое радостное, самое счастливое время. Постановщик картины Григорий Чухрай сумел создать на съемочной площадке удивительно творческую, дружескую атмосферу. Наконец, я стремилась как можно полнее воплотить его замысел. А это, надо прямо сказать, не всегда удавалось. Бывали и бессонные ночи и слезы... Неожиданно десятки сцен оказались для меня труднее, чем драматические арии. Мои самая любимая сцена в фильме — встреча с Алексеем после войны.

Трудно, почти невозможно передать природу актерского дарования И. Дробышевой. Пожалуй, главное, что в ней привлекает, — верность избранной правде, искренность и редкое умение зримо воплотить в фильме внутреннюю жизнь своей героини. Нина Дробышева действительно может, а экране — думать, мечтает, радуется, плачет, принимает решения.

Постепенно расширяет Дробышева характер Сашеньки Лавовой, кадр за кадром повествует она о нелегкой судьбе девушки. И везде, в каждом эпизоде, актриса убедительна. И в сцене прощания с Петей, когда Сашенька целует его, прощается на фронт, твердо знает, что теперь он поведет с легким сердцем, и на заводе у станка, и в сцене объяснения с Алексеем, когда она впервые по-женски твердо потребовала, чтобы он остался «дома».

Но все же по-настоящему темперамент и эмоциональность актрисы, ее дарование расширяются не в лирических и неподдельно искренних, а в драматических. Столкнувшись с Алексеем и сыну, когда он повис на шее у Пети, думая, что вернется с фронта ее отец. Как забыть несчастное, жалкое свидание Лии Сашки и ее стеснительного, полюбившего крики: «Нет! Нет!» — и руки, протянутые и ребеику?

Нина забыла, что ее прерывали слезы, гладкие, молящие, и в то же время счастливые, когда Сашенька слышит за занюленной дверью голос любимого человека, которого много лет не слышала по губам? Молодая актриса передала в этом небольшом эпизоде почти без слов все многообразие противоречивых чувств, охватывавших ее героиню.

Судьба Сашеньки Лавовой — это судьба советской женщины в Отечественной войне. Глазков понял и почувствовал это, Дробышева через рассказ о жизни Сашки поведала о жизни целого поколения.

Именно поэтому, как бы Сашенька, была девушкой и женщиной военных лет, так они смеялись и плакали, так думали и разговаривали... И хотя молодая актриса не знала, да и не могла знать или помнить те годы, она сумела рассказать о них со всей силой и страстью своего таланта.

Фильм «Чистое небо» давно вышел на экраны, и работа всего творческого коллектива получила должное признание. Перед Ниной Дробышевой этот замечательный фильм открыл широкие дороги в большой искусстве. И мы еще не раз увидим ее на экране.

Сейчас молодая актриса снимается на студии «Ленфильм» в картине «Я родился в рубашке». Она исполнит роль жены космонавта.

Э. ТАДЭ

ИЗ БОРТОВОГО ЖУРНАЛА ПЕРЕЛЕТА

МЫ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

Теперь наш путь лежал на юго-запад. Мы собирались пересечь Карелию, Ленинградскую область и выйти в Прибалтику.

Воздушная дорога шла над лесом.

— Раз лес — значит, бумага, — сказал кто-то.

— Это точно. В Кондопоге целлюлозно-бумажный комбинат. Заверюте?

И мы завернули. Кондопога окружена лесом, водой, торфяниками.

— Будем садиться? — спросили мы у Калинина. Вопрос был вполне законным. Где же здесь сажать «Пчелку», если и домики под свои фундаменты с трудом находят клочок твердой земли?

— Попробуем, — ответила Калинина.

Мы увидели крошечную площадку неподалеку от забора комбината. Зашли на нее раз. Потом второй. Четвертый. Шестой. На восьмом круге Калинин убрал газ, реактив движением выпустил закрылки. «Пчелка» парашютировала на площадку. Она почти коснулась ее колесами.

Но... Двиатели взрели вновь, и мы пошли на следующий, девятый круг.

— По местам! — раздался голос пилота.

Мы поняли, что предыдущий заход был последней «пристрелкой». «Пчелка», подойдя к площадке, почти зависла на месте и плавно коснулась земли. Заскрежетали тормоза. Везде затвердел замер на месте.

Мы все сидели на своих местах, не двигаясь. А к самолету уже бежали люди. Они махали руками и что-то кричали. Еще был «Пчелка» была первым самолетом, сумевшим приземлиться в Кондопоге.

Калинин поднялся со своего кресла, взял журнал, в котором вел записи, и пошел рулеткой мерить площадку. Потом в его журнале мы прочитали такую запись: «Посадка за ревом на расстоянии 1,5 метра. Полная остановка в 3 метрах от вала. Длина пробега при посадке — 37 метров».

Это было на тридцатый день нашего путешествия.

СТРОИТ КОМСОМОЛЫ

В тот день, когда мы прилетели в Кондопогу, новая бумагоделательная машина была первые километры бумажи.

Но стране нужно ее все больше и больше. И сегодня комсомольский штаб стройки, возглавляющий работу по созданию бумагоделательной машины, уже включился в борьбу за машину будущего, машинофабрику. 750 метров бу-

мажного полотна почти семиметровой ширины — такова производительность новой машины в минуту.

Вы видите на снимке троих ребят, для которых будущее Кондопоги — их будущее.

Идет летуче заседание штаба. Как форсировать закладку фундамента? Как наладить доставку материалов? Как в вечернее время освободить дежачи и парней от работы, чтобы дать им возможность посетить школу? Ответы на эти вопросы ищет мастер Анатолий Пахомов, электрик Алексей Жилинский и руководитель комплексной бригады строителей Николай Шугалов.

Десятки вопросов ежедневно решает комсомольский штаб. Решает безотлагательно. Ведь время не ждет.

ЭСТАФЕТА ПОКОЛЕНИЙ

Высок и светел машинный зал Волховской гидроэлектростанции имени В. И. Ленина. Прекрасна плитка, поддерживающая многометровую толщу воды. Но мы решили поместить в нашем репортаже этот снимок. В нем, как в зеркале, отражена история Волховстроя — его прошлое, настоящее, будущее.

В тот вечер, когда делегат VIII съезда Советов Г. М. Кржижановский докладывал о плане ГОЭЛРО, на строительной площадке Волховстроя врылся в грунт маленький экскаватор. Управлял им путилевский рабочий Алексей Васильевич Васильев. Возводить паренец электрификации он пришел с отрядом своих друзей-путилевцев.

Вместе с ним строил Волховскую ГЭС, а когда она вступила в строй, остался работать на ней его сын. Почти сорок лет отдал Волховстрою ныне заслуженный пенсионер Василий Алексеевич Васильев.

Но и сегодня он частый гость на ГЭС. Вот и сейчас Василий Алексеевич пришел в машинный зал посмотреть, как тут идут дела, а заодно и провести сына Алексея.

Отец старика Васильева был экскаваторщиком, сын он — мастером, его сын работает на гидроэлектростанции инженером. А кем будет пятилетний внук ветерана?

Нет, не только прошлое и настоящее стоят рядом на этом снимке. Тут и будущее...

НАШ ДРУГ — КОММУНИСТ КАЛИНИН

Нет, он не носит кожаную куртку. Не ходит вразвалку, демонстрируя свою недоижинную силу. На нем обычный штатский костюм. У него тихий, спокойный голос. С новыми людьми он молчалив: это не от нелюдовитости — от застенчивости.

Нам довелось впервые встретиться с ним несколько лет назад. Он сидел на краю аэродрома за мольбертом и рисовал. Нет. Не самолеты. На полотне была река, и приволье полей, и синеве-синеве небо, как бы наполненное пенным птичь.

Через час мы увидели Владимира Калинина, идущего к «Ту-104». Мольберт он забрал с собой в кабину. А еще через несколько минут диспетчер аэродрома сказал нам: «Видели летчика как мольберт? Сейчас он пошел искать молнию».

Мы бросились на радиостанцию. В репродукторе звучал спокойный голос пилота: «Вошел в грозовой фронт. Вокруг интенсивные разряды». «Черт побери! — услышали мы затем. — Прошла мимо».

Калинин был недоволен, что молния не встретилась с самолетом. Ведь он шел в полет ради этой встречи. На земле казалось, что минуты текут удивительно медленно. И хотя конструкторы, стоявшие рядом с нами, старались сделать самолет, которому не страшны электрический смерч, никто не знал, чем на практике закончится эксперимент.

Явно недовольным голосом Калинин сообщил еще раз: «Опять мимо».

И вдруг в репродукторе зазвучало радостное: «Порядок! Попа- лая Машина, аппаратура исправны. Иду на посадку».

Мы опять увидели его на аэродроме. Он шел с мольбертом. Видимо, торопился дописать неза- конченный пейзаж.

— Лирик! — спросил один из нас.

— Герой, — ответил другой.

И еще мы встретились с Калининым при первом полете «Пчелки». «Пчелка» летала замечательно. Нам казалось, надо сейчас же попробовать ее в развратах, резких снижении, в парашютировании при посадке. А летчик лишь взлетел, прошел его квадрату над аэродромом и плавно повел машину на снижение. Испытатель отлично знал, что от опытной машины всегда можно ждать «сюрпризов».

Уже теперь, после десятка авиааэродромных посадок, после блестящего приземления в Кондопоге, мы осознали, что значит для испытателя поговорка: «Семь раз отмерь, один раз отрежь».

Тогда, после первого полета «Пчелки», Калинин, как именинник, поздравляли.

— По бокалу шампанского! — было единодушное мнение.

— Братцы, давайте лучше подем в деревню: там парное молоко, — сказал Калинин и улыбнулся своей доброй, застенчивой, теплой улыбкой.

Когда мы дуем о людях коммунистического застра, в мыслях мы вновь возвращаемся к нашему пилоту, к нашему старшему другу — коммунисту Владимиру Калинину.

ЗА НИ

МЫ ПИЛОТЫ...

В «Смене» № 16 одному из нас довелось писать о безаздротной авиации, и в частности о «Пчелке». В статье говорилось, что управлять «Пчелкой» очень просто и что любой шофер или тракторист может научиться этому за несколько недель.

В Волхов нам переслали письма, полученные в редакцию. Одно из писем касалось нашего самолета. А. Приходько из города Сыктывкара писал, что не верит рассказанному. «У меня и моих товарищей», говорилось в письме, — возникнут сомнения в правдивости вашего корреспондента.

...«Пчелка» летит в Тарту. Как обычно, каждый знает своим делом. Неожиданно Калинин говорит:

— Доказывайте читателю свою правоту.

Занимаем место за штурвалом. Конечно, странно. От разговоров о пилотировании и приборах, кнопках, рычажках, штурвальчиках, по поводу которых мы вот уже мучим допрашиваем Калинина, до вождения самолета дистанция огромная.

И все-таки по очереди мы ведем наш самолет. Правда, потом выясняется, что каждый из нас до лоты в суставах сжимал штурвал и едва успевала слезть за двух-трех приборов. Зато на следующем участке полета мы пилотировали гораздо смелее. Калинин ушел в пассажирский салон, но мы уже не хватались судорожно за штурвал, спокойно рассматривали стрелки на приборах, следили за наземными ориентирами, делали развороты и держали заданные высоту и курс.

Глава нашего бортового журнала названа «Мы пилоты». Конечно, это шутка. До пилотов нам еще очень-очень далеко. Но рассказ о том, как мы пилотировали, написан для того, чтобы убедить неверящих.

Около шоссе, у знака, написанного на русском и эстонском языках, конечно, не мы, а Владимир Калинин скажет: «Пчелка» промчалась на огороде, с которого только-только убран урожай. Мы в Тарту. Мы прилетели сюда, чтобы рассказать о тартуских студентах.

ИЗ БОТВОГО ЖУРНАЛА ПЕРЕКЛАД

МИ БУДУЩЕЕ

— Воспитать «человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство», — это главное в жизни нашего университета, — так сказал ректор одного из старейших учебных заведений страны, профессор, депутат Верховного Совета СССР Ф. Д. Клемент.

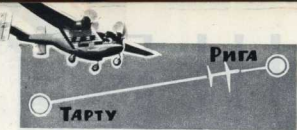
Гармония знаний и умения — вот чем должен быть наделен каждый выпускник университета. Дело не в том, кем будут по специальности девушки и юноши, которые учатся у нас сегодня: математиками или астрономами, физиками или биологами, врачами, юристами, экономистами. Главное — помочь им воспитать в себе высочайшие человеческие качества, сделать каждого из них Человеком с большой буквы.

На этих снимках вы видите студентов Тартуского университета на занятиях по домоводству и на стройке общежития, в школе со своими будущими питомцами и за разбором рисунков, сделанных во время летней практики, в «собственном» радиобюро, откуда ведется трансляция лекций для заочников, и в молодежном кафе.

Радостна их жизнь.

Ведь именно за ними, за этими двадцатилетними девушками и юношами, наше будущее. Ведь им суждено строить новое общество, жить в коммунизме.

ИЗ БОРТОВОГО ЖУРНАЛА ПЕРЕЛЕТА

Разные жанры журналистики использовали мы в репортаже с борта «Пчелки». Были здесь очерки, публицистические статьи, информации, корреспонденции, интервью. Чего не было в репортажи, так это сказки.

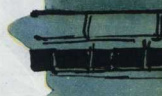
Прилетев из Тарту в Ригу, мы решили послать этот проба. И вот вам сказка о бортов, всегда человек, зовут которого

Вседлявасу всего год. У мальчишек всегда много задора, и ему задора не занимать. Мальчишек всегда масса энергии, и Вседлявас слышит его на всю Ригу.

Как-то утром пришел он на знаменитый завод ВЭФ. А там... Стены выкрашены в какие-то грязноватые цвета, конвейеры темные-претемные. «Нигде это не годится», — решил Вседлявас и, взяв кисть, перекрасил все по-своему. Стены — в светлые тона, конвейеры — тоже. А экраны, за

которыми работают сборщики, сделал совсем белыми: на белом фоне, мол, темные предметы видны лучше, глаза не устают.

Покончив с делами на ВЭФе, Вседлявас примчался в Рижский университет. Там он узнал, что вся одежда — пальто, костюмы, платья — шьется только пяти ростов: первый, второй, третий, четвертый, пятый. Но ведь люди-то не пяти определенных размеров! И Вседлявас решил: пусть на фабриках делают костюмы, паль-

В
С
Е
Д
Л
А
В
А
С

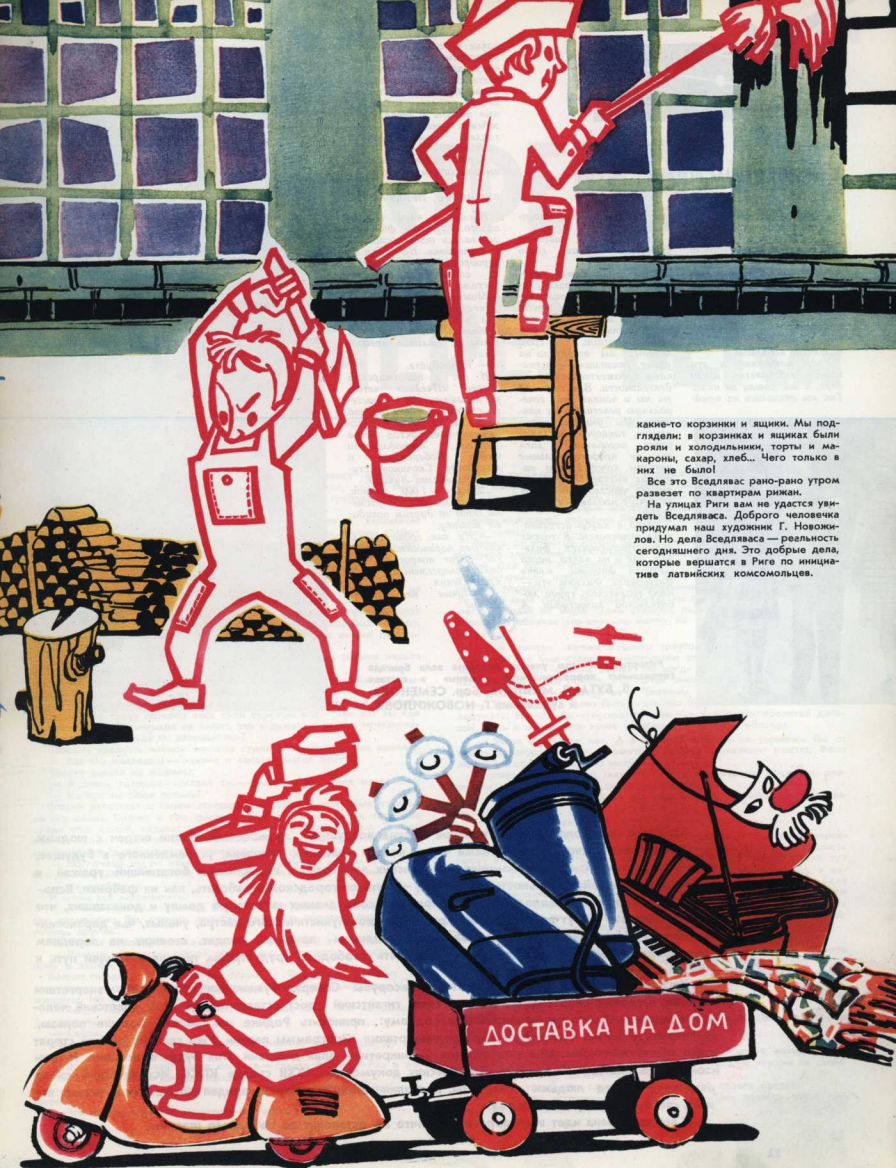

то, платья, не подшивая рукавов пиджаков, обшлагав брюки, подолов пальто — кому надо подлиннее, кому покороче. Такую поделку можно применить прямо в магазине и там закончить пошив. У Вседляваса всегда так: сказано — сделано.

Однажды, проходя по улицам, увидел Вседлявас, как старушка колет дрова. «Вы что же это сами!» — спросил Вседлявас. «Да одна я живу, а где найдешь дровосека?» Вседлявас тут же наколот дрова, сложил их в поленичку и сказал: «Если у вас, бабуся, есть знакомые, которым тоже надо дрова колоть, дайте им мой телефон». И написал: 2—32—61.

Очень часто бывает так. Приходит Петин папа домой и говорит Петин маме: «Хорошо бы сегодня пойти в театр!» А мама отвечает: «Нельзя: не с кем Петю оставить». Узнал о таких разговорах Вседлявас и тут же примчался в Петину квартиру. «Идите, идите в театр», — сказал он папе и маме. — Я поиграю с Петей, почитаю ему книжонку, да и спать мальчугана возьму уложу».

Когда Петин папа и мама возвратились из театра, Вседлявас покинул их квартиру и побежал упаковывать

какие-то корзинки и ящики. Мы подглядели: в корзинках и ящиках были роули и холодильники, торты и макарони, сахар, хлеб... Чего только в них не было!

Все это Вседлявас рано-рано утром развезет по квартирам рижан.

На улицах Риги вам не удастся увидеть Вседляваса. Доброго человека придумал наш художник Г. Новиков. Но дела Вседляваса — реальность сегодняшнего дня. Это добрые дела, которые вершатся в Риге по инициативе латвийских комсомольцев.

ИЗ БОРТОВОГО ЖУРНАЛА ПЕРЕЛЕТА

КОНТРАБАС НА... ШВЕЙНОЙ ФАБРИКЕ

В Вильнюсе мы пробыли недолго: всего несколько часов. И тема нашего репортажа родилась неожиданно.

Мы шли по одной из центральных улиц. Из-за угла показались две девушки и юноша, тащивший на себе огромный контрабас.

Куда направляются эти трое? Любопытство взяло верх, и мы пошли за ними. Так мы оказались на швей-

ной фабрике имени Витенберга.

Контрабас и швейная фабрика... Какая связь между ними?

Связь была самая непосредственная: фабрика слашится не только своими изделиями — меховыми пальто, детскими шубками, зимними головными уборами, — но и талантами. Те трое, которых мы встретили на улице, оказались участниками художественной самодеятельности. Вместе с ними мы и попали на генеральную репетицию их концерта. Мы увидели музыкантов, танцоров, декламаторов, акробатов. И хотя они не профессиональные артисты, каждый, как видите их выступления, испытывает чувство радости от встречи с подлинным искусством.

Часто в клубе устраиваются киносеансы. В титрах демонстрирующихся фильмов, как и на мехто, марка швейной фабрики имени Витенберга. Фильмы эти — плод творческого труда любительской кинематографии. А

какие чудесные прослушки в воскресные дни совершаются по живописным окрестностям литовской столицы! Сколь увлекательны вечера отдыха, коллективные походы в театр, обсуждения новых книг, спектаклей, художественных выставок!

Хорошо умеют вильнюсцы работать и отдыхать.

ЛУЧШЕ НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Последние часы нашего полета. Перед финишем оставалась одна посадка — для заправки. На одном из аэродромов мы встретились со спортсменами-парашютистами.

Можно ли прыгать с «Пчелка»? Годна ли она для парашютного спорта? Мнения разделились. И тогда В. Калинин предложил:

— Попробуйте.

И вот в пассажирском салоне «Пчелка» четверо парашютистов — мастера спорта, члены сборной команды страны. Здесь инженер-конструктор Эдмунд Дзягалец, преподаватели Федор Побережнюк и Александр Скопцов, студент Валюсава Лушиса.

— Высота — 1000 метров. Открываем люк. Спортсмены один за другим покидают машину.

— Ну как, годна «Пчелка» для парашютного спорта? — Этот вопрос мы задали спортсменам после приземления.

— Лучше не придумаешь!

Репортаж об этом участии перелета велa бригада специальных корреспондентов «Самыя» в составе В. БУТА, В. МИШИНА, Бор. СЕМЕНОВА и художника Г. НОВОЖИЛОВА.

Закончен наш полет. Позади полтора месяца воздушного путешествия. Сотни встреч с людьми. Эти встречи раскрыли перед нами черты нового человека, человека, устремленного в будущее, строящего коммунизм. Мы вспоминаем украинских хлеборобов, вырастивших богатейший урожай и воплощающих в действительность свою мечту — жить по-городскому, работать, как на фабрике. Вспоминаем криворожскую молодежь, комсомольцев, соорудивших гигантскую домну и доказавших, что уже сегодня они живут по моральным принципам коммунистического завтра, ученых, чьи дерзновенные поиски помогут человеку стать подлинным хозяином природы, солдат, стоящих на переднем крае обороны Родины и готовых грудью защищать свободный труд страны, прокладывающей путь к миру и счастью всего человечества.

Красные рыбаки, рудокопы Кустаная, лесорубы Севера, бумажники Кондопоги, энергетик Волхова, студенты, спортсмены... Во весь свой гигантский рост вставал перед нами советский человек-создатель. Его помыслы направлены к одному: приносить Родине как можно больше пользы, превратить в жизнь величественные предначертания Программы партии. Уже сегодня по ней строят свою жизнь миллионы. Она уже сегодня — конкретный план действий. Она будет выполнена. И произойдет это так, как намечено в исторических документах XXII съезда КПСС. Исторический съезд раздвинул перед людьми горизонты, позволил взглянуть вперед, придал новые силы, указал ясную, светлую дорогу к будущему.

Сегодня страна идет этой дорогой. И ничто не остановит ее победного шествия.

Встреча

ЧЕРЕЗ ВЕКА

Г. МАРТЫНОВ

Рисунки А. БАБАНОВСКОГО
и Г. НОВОМИЛОВА.

Продолжение. Начало см. №№ 17—20.

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Но через несколько секунд с палубы судна сорвался арелет и быстро догнал Волгина. Человек, сидевший в машине, делал выразительные жесты, могущие означать только одно: он требовал, чтобы Волгин вернулся назад.

В чем дело? Вряд ли этот человек мог знать, что в внешнем арегете находится именно Волгин. А если и знал, то почему требовал возвращения? Это было не похоже на обычное поведение людей этого времени.

Волгин подчинился. Вероятно, были серьезные причины не позволить ему лететь дальше.

Вслед за маленьким одноместным арегетом он опустился на палубу судна.

Подосел высокий пожилой человек, одетый в непромокаемое платье, как будто из кожи. Выражение его сурового лица было хмурое.

Как только Волгин отодвинул стекло, этот человек сказал довольно резко:

— Куда вы летите? Разве вы не знаете, что в этом районе нельзя летать на арегете?

Он замолчал, пристально вглядываясь в лицо Волгина. Хмурое выражение сменилось крайним удивлением.

— Что такое? Уж не Дмитрий ли Волгин? — Он улыбнулся так добродушно, что сразу потерял весь свой суровый вид. — Так вот вы где оказались! А в Ленинграде не знают, что и думать о вашем исчезновении. В чем дело? Куда вы направлялись?

— Человек двадцать членов экипажа судна столпились возле арегета. Волгин вышел из машины. — Вот так подвезли! — ининю и весело сказал кто-то.

— Я очень голоден, — сказал он. — Надеюсь, вы меня накормите? — Но как вы сюда попали?

Волгин рассказал о своем приключении. Общий смех был ответом на его слова. Волгин и сам смеялся. Ему стало хорошо и спокойно среди этих людей, видимо, искренне к нему расположенных. Эпизод был исчерпан, через несколько минут Мэри и Владимир узнают, где он находится, и перестанут волноваться. Все успокоится.

— Но почему вы не назвали первый попавшийся индекс и номер? Всегда мог найтись владелец этого номера и ответить бы вам.

— Не соборрался.

И снова все рассмеялось.

В их смехе не было ничего обидного для Волгина. Точно так же они посмеялись бы, случись подобное нелепое происшествие с кем-нибудь другим.

Человек в кожаном платье оказался командиром этого судна.

— Идите в каюту, — сказал он. — Я вас накормлю, и надо сообщить о вашем местонахождении.

Волгин ожидал, что на этот раз Мэри и Владимир изменят их вседневная выдержка и они, по крайней мере, выскажут свое возмущение. Но этого не случилось.

— Когда тебя ждали? — спросила Мэри как ни в чем не бывало. Ее голос был спокоен и ровен.

— Сейчас я узнаю.

Командир судна на вопрос Волгина ответил, что отсюда до Ленинграда минут восемь полета.

— Ждите меня дома через полчаса, — сказал Волгин. — Раз я попал сюда, то ничего побуду здесь.

— Ты хотел лететь в Москву не позже одиннадцати, — заметила Мэри.

— Что подделавши! Не сердитесь на меня.

Мэри засмеялась, и разговор окончился.

За завтраком Волгин узнал причину своего задержания.

Судно было филиалом Ленинградской станции погоды. Одним из трех. Еще два точно таких же судна стояли по углам большого треугольника, в самой середине Балтийского моря, южнее бывшего Рижского залива.

Время от времени нужно было разряжать накапливающееся в атмосфере электричество — излишки используемого для практических целей. Для этого и предзназначались эти суда. Мощные установки на них притягивали, концентрировали в одно место грозовые тучи с огромной площадью, а в центре треугольника разражалась чудовищная по своей силе гроза. Ни один арелет не смел приближаться к этому месту. Увидев на море судно станции, пилот тотчас же поворачивал обратно и облетал это опасное место на весьма почтительном расстоянии.

— Вы летели прямо в центр треугольника, — сказал командир судна (он же был старшим инженером станции). — Сперва мы подумали, что пилот машины заснул. Но когда арелет не послушался сигнала опасности, мы поняли, что вы не спите. Не обижайтесь, Дмитрий, но я решил, что в машине летит безумец.

— Так и должно было быть, — ответил Волгин. — Иначе вы не могли подумать. Но что бы произошло, если бы я все-таки пролетел дальше? Ведь я мог лететь выше облаков или в самих облаках.

— Выше облаков нет. А в облаках машина не удержалась бы от наших локаторов. В ста километрах отсюда происходит разряд. Ваша машина сгорела бы в огне молний.

Волгина интересовало, как поступают на станции в случае опасности для кого-нибудь, и он спросил снова:

— Хорошо. Но если бы я все-таки полетел дальше, как бы вы поступили?

Инженер улыбнулся.

— Наша станция, — сказал он, — прямо связана со всеми энергетическими установками, расположенными в круге радиусом в шесть тысяч километров. Это наши Установки для концентрации туч требуют огромного расхода энергии. Когда происходит разряд, в наших руках управление всеми этими энергетическими станциями. Если бы мы увидели, что вы не сворачиваете с пути, пришлось бы разом отключить подачу энергии по всему району. Ваша машина опустилась бы на воду. Так же и все остальные, которые находятся в нашем районе, совершили бы вынужденную посадку.

Волгин протянул руку своему собеседнику.

— Спасибо за мое спасение, — сказал он смущенно. — И извините меня за то, что я чуть было не причинил большой неприятности.

— Но ведь вы этого не сделали, — добродушно сказал инженер.

— Мог сделать.

— Нет, не могли. Вы человек военный и, значит, дисциплинированный.

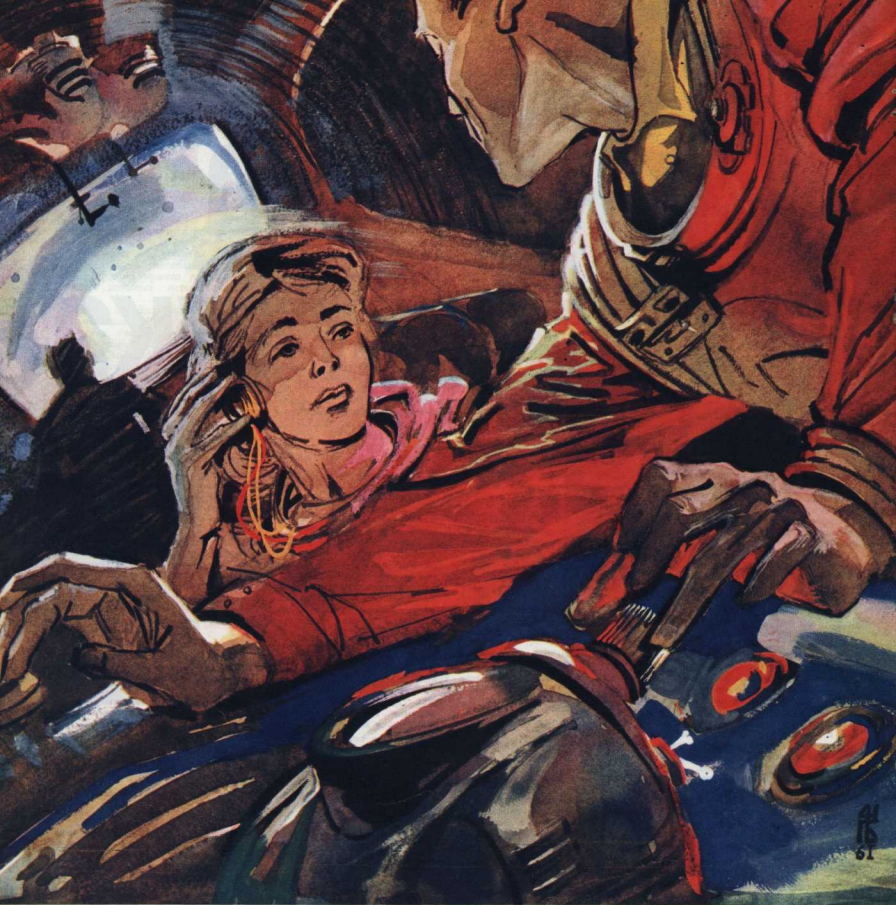
Слово «военный» он произнес по-русски. На современном языке этого слова не было.

— Вы знаете наш язык? — удивился Волгин.

— Нет, не знаю. Но я слушаю выступление Муниця, который рассказывал о вас всем людям, и запомнил это слово. Оно похоже на слово «война». Его легко запомнить.

Волгин первый раз слышал о выступлении своего «деда».

«Что ж, это естественно», — подумал он. — Они должны очень интересоваться мною».

— А откуда у вас слово «война»? Ведь у вас давно нет войн.
— Оно известно из курса истории.

— И все же, — сказал Волгин задумчиво, — вы неправильно поняли Мундия. Я не был военным по профессии. Я стал им только во время войны. Вероятно, я задерживаю вас! — прибавил он, вспомнив, что сейчас на судне рабочая пора.

— Да, лучше мне вернуться наверх, — с обычной открытостью ответил инженер. — Я хотел бы поговорить с вами о многом.

— Как-нибудь в другой раз. Я рад буду, если вы навестите меня. Кстати, я до сих пор не знаю вашего имени.

— Меня зовут Дмитрий, как и вас. И мне это очень приятно.

Они вышли на палубу.

Все взгляды тотчас же устремились на Волгина. Но люди не подошли к нему и просто старались рассматривать его незаметно.

Он вспомнил чью-то фразу, что его появление на судне — удача для экипажа: Конечно, они все интересовались им и не надеялись увидеть

вблизи. То, что произошло, — это действительно счастливый случай для них. Не каждый день появляются на Земле воскресшие люди.

— А нельзя ли, — спросил Волгин у своего спутника, — увидеть район грозы, то место, куда я летел?

— Почему же! Проходите на пост наблюдения.

Они спустились по другой лестнице и вошли в полукруглую каюту, посередине которой стоял также полукруглый стол. Он был сплошь заполнен бесчисленным количеством кнопок и приборов. На потолке ровно горели или непрерывно мигали разноцветные лампочки.

У стола в напряженных позах сидели три человека. Они оглянулись на вошедших, но тотчас же снова повернулись к стене, где находился очень большой экран. Очевидно, работа не позволяла отвлекаться.

Волгина огулила неистовый грохот. Было совершенно непонятно, почему этот шум не слышен не только на палубе, но и у самых дверей каюты.

Он тотчас же понял, что грохот — это раскаты грома, могучего и

лести непрерывного грома, идущего от места, где бушевала гроза, в пяти километрах отсюда.

Эпран казался отверстием в стене. В его глубине творился хаос из воды и огня. Эта гроза, завалившая суммой всех гроз, собранных с площади диаметром в двенадцать тысяч километров, не имела ничего общего с самыми сильными грозами, которые приходилось когда-либо наблюдать Волгину. Это было падение в море сплошной массы огненной массы. Молнии свистели друг с другом, и потоки воды были окрашены в желто-красный цвет.

«Как можно электричества в воздухе! — подумал он, вспоминая слова своего тезки, что все это только излишки атмосферного электричества, подающаяся часть которого шла на полевую работу.

Волгин думал вздрогнуть, вспоминая, как совсем недавно летел прямо туда же, как и все мы на персонал станции.

«Уголелось все раз выразить свою благодарность за спасение, но говорить здесь было совершенно невозможно.

Инженер дотронулся до плеча Волгина и знаком предложил выйти отсюда. Волгин последовал за ним.

Как только двери закрылись, гроют прекратился, сменившись полновидной. Звукоизоляция была, очевидно, совершенной.

— Теперь я понял, какой опасности подвергался! — сказал Волгин. — Еще раз спасибо!

— Вы увидели бы грозу? — ответил инженер. — и свернули бы в сторону. Но все же приближаться к раю сейчас очень опасно. Бывает, что группы молний падают из повиновения и укладываются в сторону. Что еще хотели бы вы увидеть?

— Если можно, хотел бы посмотреть, что представляют собой ваши установки для сбора туч.

— Вот это как раз и нельзя. — В голосе инженера слышалось сожаление. — Входить в помещения, где они расположены, во время их работы не менее опасно, чем лететь в полосу грозы. Они будут работать еще долго.

— Тогда я покину вас. Будем надеяться, что мне еще представится случай осмотреть их.

— Если не у нас, то на любой другой станции. Мне хотелось бы, чтобы вы приехали к нам.

— Обещаю, что приеду, — сказал Волгин.

Он чувствовал, что люди, находящиеся на судне, ждут от него какого-нибудь знака внимания. Кроме того, ему хотелось лично поблагодарить этого человека, который догнал его в аэрею и вернул обратно. И он попросил командира познать его с человеком, которого он видел на посту. Но они не могут покинуть его.

— Вы передадите им мой привет.

С каждым работником станции Волгин обменялся крепким дружеским рукопожатием. Трое не удержались и обняли Волгина.

Так произошло это первое, непредвиденное и случайное, близкое сопереживание со своими новыми современниками. С этого момента Волгин сбросил наконец стесняющее его чувство обособленности. Он стал обычным человеком, таким, каким был всегда, — любящим людей и их общество.

Он сел в свой аэрей, и инженер Дмитрий объяснил ему то, чего Волгин еще не знал, — как пользоваться указателем направления. Он и раньше видел маленькую светящуюся зеленую точку на крохотном щитке, но ни разу не спрашивал, что это такое.

По указанию инженера Волгин соединился с Мэри и попросил ее дать пеленг. Зеленая точка сразу вспыхнула.

— Теперь летите прямо, — сказал ему командир судна. — Аэрей сам приведет вас к тому месту, где находится телефон вашей сестры, а следовательно, и она сама. Когда вы будете близко, зеленая точка превратится в красную. Тогда смотрите вниз и выберите место посадки.

До свидания, друзья! — сказал Волгин.

Он видел на всех лицах грустные улыбки, и ему стало вдруг жалко покидать этих людей, которых он совсем не знал.

Аэрей плавно поднимался.

Вскоре станция исчезла из виду.

Знал, что машина летит правильно и что его вмешательство в управление не требуется. Волгин отдался своим мыслям.

Он думал о карманном телефоне. В этой маленькой коробочке, такой невзрачной с виду, помимо телефона и часов, находилось еще и пеленгационное устройство для аэрей. Что еще может в ней заключаться?

— Сможет ли он познать когда-нибудь всю «чуждоизощренную» технику этого века? Технику, столь отличную от прежней.

«А ведь и прежнюю-то технику я почти не знал!», — опасливо думал Волгин.

Зеленая точка превратилась в красную, когда аэрей был уже над Ленинградом. Постепенно ей, Волгину, удалось нащупать свою точку. Он с удивлением увидел на веранде Люция.

Неужели он бросил работу и приехал в Ленинград, узнав об исчезновении своего сына? Какой же переполох учинил он своим легким сердцем!

Волгин готов был выслушать любой выговор от своего отца. Хорошая головомока была вполне заслужена.

Опустил аэрей у самой веранды, Волгин вышел из машины.

Люций, Владимир и Мэри бросились ему навстречу.

Но они и не думали упрекать Волгина. Совсем другая причина заставляла их нетерпеливо ожидать блондиню сына и брата.

Но они и не думали упрекать Волгина. Совсем другая причина заставляла их нетерпеливо ожидать блондиню сына и брата. Люций и Владимир смеялись, они радовались за Волгина, понимали и разделяли его чувства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Волги золотистых волос падали на плечи, обтянутые коричневой кожей комбинезона. Девушка задумчиво смотрела на экран. Лучи Солнца были еще слабые, и не нужно было надевать защитные очки, чтобы смотреть на него.

Темная бездна по-прежнему окружала корабль. Немингающие точки звезд не притягивали к себе внимания, как восемь лет тому назад. Тогда одно звезда изменила свой вид, не казалась больше т точкой, не имеющей размера, а сияла крохотным диском. Эта звезда была Солнцем — старым знакомым Солнцем, под светом которого прошло вся жизнь.

— И кроме последних восьми лет.

Девушка смотрела прямо на Солнце, не мигая, не отводя взгляда, уже около часа.

У нее были большие, совсем черные глаза с длинными ресницами, над которыми в смелом полете изгибались черные брови. Это создавало старанный контраст с ее светлыми глазами.

Он сидел в кресле перед пултом, искрящимся бесчисленными огоньками разноцветных сигнальных ламп. Едва слышный шелест, различный по высоте и тону, исходил от многочисленных приборов пульта. Создавалось впечатление, что в помещении рубки играет тихая музыка. Иногда в нее вымешивалась певучая нота, короткая, как вскрик, или длинная, постепенно заморающаяся. Точно песня, исполняемая под аккомпанемент шестецкого оркестра.

Девушка не обращала внимания на эти звуки. Она ловила их, машинально отмечая, что ничего тревожащего нет, все в порядке.

За восемь лет она привыкла к пению корабля. Оно сопровождало весь путь корабля, не стихая ни на минуту даже тогда, когда корабль стоял на поверхности поспевших им небесных туч. Приборы никогда не выключались. Этого нельзя было сделать. Остановить их могла только катастрофа, последняя и непоправимая.

Восьмь лет назад девушка не обладала еще непоколебимым спокойствием, присущим ей с детства. Она замкнула сердце думала о том, что произошло, и не могла думать о будущем.

Человек боится смерти, когда не хочет расстаться навсегда с любимыми людьми. У девушки не было любимых и близких. Они все умерли давным-давно, все сразу, за те короткие месяцы, так быстро как, постепенно, когда корабль вступил во второй год полета.

Она и ее товарищи пережили тогда тяжелые дни.

Нет, они и жалели ни о чем! Они знали, что на прошлой, и малоудачно не было места в их мужественных сердцах. Они просто грустили, по-человечески грустили о безвозвратном прошлом. Каждое мгновение человеческого существования и дальше от всего, что было дорого, от того, что они знали и любили.

Каждая прожитая секунда ложилась между ними и Землей прагматод более непреодолимой, чем пространство. Они одолевали пространство и возвращались обратно. Но время нельзя было одолеть. Их полет продолжался восемь лет. На восемь лет пополнились все чашки земная.

— Ты уж мигнул! Но они знали, что не только никто, но и ничто знакомое и привычное не встретит их по возвращении. Там, на родной Земле, все было уже другим.

Мигнула одна из лампочек на пульте. Девушка не обратила на это никакого внимания, она знала, что это отворилась дверь рубки.

Вошел мужчина высокого роста, одетый в такой же, какой был на девушке, коричневый кожаный комбинезон. У него были темные глаза и смуглый цвет лица. Поперек лица, переходя на щеку, тянулись глубокий шрам.

Он подошел к пулту и остановился позади кресла.

Девушка не обернулась. Она только сказала без вопрошательной интонации в голосе, уверенная, что не ошибается:

— Это ты, Виктор.

Мужчина ничего не ответил. Он наклонился вперед, предельно всматриваясь в желтый бриллиант Солнца, сверкающей пристою ланцетом друга звезд.

Девушка слегка повернула голову, посмотрела на профиль Виктора, находящийся рядом с ее лицом, и чуть-чуть отодвинулась. У него был вид хищной птицы, ноэри тонах горбатого носу нервно вздрагивали.

— Солнце! — сказала она.

— Радость, — иронически ответил он. — Не Солнце нам нужно, а Земля.

— Она там, рядом с Солнцем, — девушка протянула руку к экрану.

— Да, — он выпрямился за ее спиной, — там планета, третья планета от центра солнечной системы, но не Земля. Не наша Земля, которую мы покинули восемь лет тому назад. Там чужая и незнакомая планета. Третья планета и больше ничего.

Кончиками пальцев девушка дотронулась до его руки.

— Не надо, Виктор! — сказала она. — Разве ты не знаешь, когда мы улетали с Плутона? Там, на Земле, люди.

Он засмеялся, и девушка вздрогнула. В этом смехе ей послышались слезы, сдерживаемые слезы сильного человека, у которого немалосило болело сердце.

— Ну иди! — сказал он спокойно. — Я пришел сменить тебя. Ты права, там, на Земле, по-прежнему живут люди. Только... они совсем не похожи на нас с тобой. А на каком языке мы будем объясняться с ними, один аллах знает.

— Ну, это уж личишко! — сказала девушка. — Не могло так произойти, чтобы ничего прежнего не осталось.

Она сама думала так же, как думал он, но хотела успокоить его, вступить в веру в то, чему сама не верила.

— Ты так сильно восмущает тебя этот маленький плевачик.

Он ничего больше не сказала, встала и направилась к двери.

Си на нее во место и тотчас же выключил экран.

Девушка вошла в лифт. Пока он переносил ее в нижние помещения корабля, она думала о последних словах Виктора. Такими восмущает ли? Да, она знает, что амальгам такой срок прожилось человечество на Земле, за то восмущает ли, которые они находились в полете. Восмущают долгих веков?

Беструстным языком говорила об этом математика. Неоднократная проверка подтвердила непреложный факт. Восемь лет — восемнадцатый век! В 1 800! Нельзя было сомневаться в правильности этого вычисления, проводимых с помощью бесчисленных машин.

И все же сердце человека не машина. Так хотелось увидеть родную Землю, не ту, о которой с такой горечью говорил Виктор, а родную, прежнее, что девушка хотела сомневаться и сомневалась. Не в цифру, выведенные электронно-счетной машиной, а в тех данных, которые записывались в машину, а том, что служило основой расчета. Разве не могло быть так, что люди ошиблись в свои расчеты? На Земле все было верно. А в космосе?

Они первые из людей подвергли себя практическому испытанию воздействия субсветовой скорости. Они жили в условиях, которых нет и никогда не было на Земле. И только на Земле, но и в ней миллионы трасс. Так разве не могло случиться, что верное в пределах солнечной системы неверно в просторах Галактики?

Она была не математиком, а врачом. В период длительной подготовки, подобно другим членам экипажа, она прошла курс астронавтики и практические методы управления ракетой. Она дежурила у пульты, причем только с одной целью, наравне с другими. Но ее ум не обладал холодной логикой математика. И единственная из всех на возвращавшемся корабле она допускала возможность ошибки, допускала даже не умом, а только сердцем, не желавшим принять доводы разума.

Это было какое-то двояственное чувство. Она знала и все же надеялась! Была убеждена и сомневалась! Она знала и все же надеялась! Все было не так, все новое и незнакомое там, на Земле, ничего прежнего нет, — говорила она сама себе, но где-то далеко, в глубине ее существа, робкий голос шептал ей: «А вдруг?»

Она бы выжидала, что на нее повзришь обратно и снова летела в глубины Галактики, она с радостью встретила бы то знание и тотчас же перестала бы думать о Земле — настолько боялась она свидания с ней. Боялась, что, ступив на Землю, потеряет интерес к жизни.

Ей было сейчас тридцать один год.

Или тысяча восемьсот тридцать один, — думала она.

Вылет из него, она лицом к лицу столкнулась с молодым человеком, которому на вид можно было дать лет двадцать. В действительности ему было двадцать девять, и он был самым молодым в экипаже.

Кричи урал — сказал он. — Только что Михаил принял радиogramму!

— Радиogramму...

Ракета была еще далеко от границ солнечной системы. Наблюдательные пункты на Плутоме еще не могли увидеть ее, а сама ракета не посылала еще сигнала.

— Какую радиogramму? Что в ней сказано?

— Она не к нам. И Михаил ничего в ней не понял. Пусть имен Я то-ропится к Виктору.

Она машинально посторонилась, пропуская его. Он выскочил влетел в кабину лифта, и дверь за ним захлопнулась.

Она покачала головой и улыбнулась. Всеволод Крижевский — механик — всегда был такой: стремительный, бурно увлекающийся, порывистый.

«Радиogramма... Михаил ничего не понял... в чем дело?» — думала она, быстро проходя по пустынному коридору, ведущему в радиорубку.

Войдя, она увидела, что здесь собралась все свободные от вахты члены экипажа. Они склонились над столом оператора, что-то разглядывали.

Михаил Кривонос, старший радионavigator, повернул к ней вечно невозмутимое несмешливое лицо.

— Ну-ка, Машенька, — сказал он, — попробуй разгадать этот ребус.

Азбука Морзе, сигналы межпланетной связи — все это было хорошо известно Марии Александровне. Она подошла к столу.

Но то, что она увидела на ленте радиоприемника, ничего не сказала ей. Бессмысленный набор точек и их одиного тире. Только интервалы между рядами точек указывали границы неизвестных слов. Если это были слова.

Она тут же высказала эту мысль вслух.

— Умничка! — похвалил Михаил. — Я тоже подумал: слова ли это? Но мой пеленгатор работает автоматически. Я послал в ответ слово «любовь», азбукой Морзе, разумеется. И получил ответ. Восемь точек без интервалов. Но что он означает, вот вопрос!

— Сколько времени прошло между сигналами и ответом? — Мария Александровна повернулась к командиру корабля, который стоял тут же.

— Ровно столько, сколько нужно радиоволне, чтобы пройти расстояние от нас до планеты Марс в оба конца, — ответил на ее вопрос Игорь Захарович.

— Как плетый мучник, лет сорочка. Восемь лет, массенные нос и подбородок, узкие, удлинненные глаза, наполненные скрытые прищуренными веками, твердо сжатая линия губ вываливали в нем ум, волю и непреложный характер. Он был одет так же, как все остальные, в коричневый комбинезон, из-под воротника которого выглядывали белоснежные волосы курчавого заважничавшего галстука. Волосы были гладко расчесаны на боковую пробор.

— С Марсал Не может быть!

— Почему не может? Вас смущает расстояние? (Командир корабля всем говорил «ва»). Действительно, для такой связи нужна фантастическая мощность излучения, огромная станция. Но на Земле прошло тысяча восмюсет лет, не надо забывать этого.

— А наша радиogramма?

— Я уверен, что это просто совпадение. Но даже если наша передача дошла, в этом нет ничего удивительного. Пеленгатор точно направил волну к неизвестной нам станции. Илья в своем распоряжении сверхчувствительные приемники, они могли принять ее. Даже при той мощности, которой обладают наши генераторы. А вот что мы смогли принять из первую передачу, не нам адресованную, вот это покажет, что их генераторы не имеют ничего общего с теми, прежними.

— А может быть, они послали радиogramму именно нам! Если у них все другое, все более мощное, то могут быть и телескопы, в которые можно заметить нас.

— Предполагать можно все, — пожал плечами командир. — Но все же это маловероятно. Если они хотели говорить с нами, бесповозно было бы применять новую азбуку, которую мы не знаем и понять не можем.

— Это другое предположение, — сказал Кривонос. — Они могли говорить не с нами, а с другим космическим кораблем, находящимся в нашем направлении.

Вторичное пожатие плеч послужило ответом радионavigatorу.

«Не все ли равно, — сказал немного спустя Игорь Захарович, — говорить они с кораблем Луной, Землей, Венерой. Только не с нами.

Давать человек был сильно возмущен. Пусть радиogramма не на нем предназначена, это был первый «голос» земных людей после восьми лет разлуки. Один только командир был совершенно спокоен, по крайней мере внешне.

— А может быть, они, — повторил он, выходя из рубки.

И вдруг все услышал характерный звук работы автоматического ключа радиоприемника.

— С нами! — торжествующе крикнул Михаил Кривонос, стремительно поворачиваясь к приемнику. — Верните командира! Передача! Маршал!

На ленте одна за другой появлялись тире и точки. Неизвестный оператор работал четко.

Десять человек читали каждый про себя: «Кто говорит? Кто говорит? Ответьте!»

Игорь Захарович, бледный и сосредоточенный, произнес чуть слышно:

— Ответьте, Михаил Филиппович!

Уверенный стук ключа зазвучал в рубке, складываясь в слова: — Комсомоет «Еленин»... Комсомоет «Еленин»... Подходим к орбите Плутона... Дайте указания... Перехожу на прием.

2

Главная база очистительных отрядов была расположена на астероиде Церере, в самом центре работы, производимой людьми уже шестидесять лет.

Вначале это была просто одна из неподвижно стоявших ракет. Но со временем здесь возмужала огромная колония. Огромную площадь для стартов и финишей рабочих кораблей колесом окружали приземистые здания, выстроенные из прозрачного, но крепкого пластического стекла. В них годами жили работники отрядов в одиночку и семьями. Города были снабжены всеми удобствами, присущими девятому веку новой эры.

С Землей и Марсом Церере связывали линии межпланетного сообщения, по которым регулярно ходили пассажирские ракеты.

Планету окружала плотная атмосфера, по составу тождественная с земной. Из-за малого поля тяготения эта атмосфера непрерывно рассеивалась в пространстве, и ее так же непрерывно пополняли многочисленные автоматические действующие «звезды воздуха». Мощные установки перерабатывали в газ недра самой планеты, и им не нужно было доставлять сырье откуда-нибудь извне. Гранит, базальт, металлы — все превращалось в водород, азот, кислород, гелий.

Церера медленно, но неуклонно аттала. Но ее масса была так велика, что материала для переработки хватало бы на сотни лет.

Люди не собирались жить здесь так долго. По плану работа должна была закончиться через восемнадцать лет. К этому сроку весь пояс астероидов между орбитами Марса и Юпитера должен был исчезнуть. Церера представляла собой и уничтожение последней.

Искусственное солнце горело и освещало маленькую планету, обходя ее за время, привычное людям, — за двадцать четыре часа.

На Церере можно было находиться без каких-либо защитных костюмов. Только обув приходилось снабжать толстыми и тяжелыми свинцовыми подошвами, чтобы люди не влетали высоко над «землей» при каждом шаге.

Те, кто жил здесь долго, так привыкли, что чувствовали себя, как на Земле. Даже на Марсе условия жизни гораздо менее напоминали земные.

Атмосфера отчасти защищала населенные планеты от метеоров. Но независимо от нее падение метеорита на поверхность Цереры рассматривалось как чрезвычайное происшествие, как своего рода бряк в работе. За последние сорок лет это случилось всего три раза, и сообщение о таком событии прозвучало на Земле так же, как могло прозвучать в старину сообщение о пожаре в депо пожарной команды.

Как и все планеты, Церера была населена членами отрядов бороздильной небо Цереры, способные облететь ее кругом за полчаса. Там же базис, как на Церере, работники очистительных отрядов построили на астероиде Палладе, Весте и Эпюимии.

На Юноне, Гибсе, Ирсе и некоторых других более или менее крупных астероидах существовали небольшие стационарные ракетодвигательные автоматическим установкам. Из-за невозможности окружить их

атмосферы люди на них не жили, но на всякий случай там были подвешены герметичные закрытые помещения, могущие служить местом отдыха для экипажей рабочих кораблей.

Обстановка, созданная людьми на когда-то пустынной, безжизненной, лишенной воздуха Церере была настолько удобна, что совсем недавно сюда решили перевести космодиспетчерскую станцию, находящуюся от этого спутника Юпитера — Ганимеда.

Чтобы работа не мешала мощные станции телевязей и многочисленные установки радиосвязи между портом и рабочими кораблями, диспетчерская располагалась на другом полушарии Цереры и стояла одиноко среди хаотического нагромождения скал и остроконечных скал, позвонки на которые возвышались по кругу старинных соборов. Импери и рабочие здания станции находились близко друг от друга и составляли почти что один дом. Вокруг высоко в небо поднимались мачты с постоянно направленными и управляемыми антеннами. Очертания конструкций, поднятых на высоту более семикот метров, едва различались глазами на фоне темно-синего, почти фиолетового, вечно безоблачного неба.

Чуткие уши станции день и ночь прислушались к звукам, идущим из космоса: не раздается ли сигнал возвращающегося корабля.

На расстоянии около километра от крайних мачт, на скалистой равнине, виднелся странный предмет, назначение которого трудно было бы понять человеку, не знающему, что такое...

Блестевшие золотистым металлом, лежали три гигантских кольца, алмазные одно в другом и пересеченные узкой поперечной трубой. Диаметр наружного кольца достигал двухсот метров. К оборудованию космостанции эти кольца явно не имели никакого отношения.

На станции постоянно жили двенадцать дежурных диспетчеров. Двое из них работали в рабочем здании, остальные отдыхали. Весь персонал сменялся каждые полгода.

Так было всегда. Люди не помнили времени, когда космодиспетчерской не существовало. Так было здесь, на Церере, так было на Ганимеде, а еще раньше на Плутоме. Так было уже тысячи лет назад. Это была совсем особая профессия, единственная в своем роде. Диспетчеры могли быть только люди, обладавшие необычными знаниями. Как правило, люди, посвятившие себя этой работе, уже никогда не меняли рода деятельности. Они становились космодиспетчерами на всю жизнь.

Станция предназначалась для того, чтобы руководить делом, начатым отдаленными предками современных людей — финишскими космическими экспедициями.

Первая фотонная ракета — «Ленин», — называвшаяся сейчас архаическим пережитком, покинула солнечную систему восемнадцать веков тому назад, в начале двадцати первого тысячелетия. Больше никаких ее воззвращения никто не знал. В списке станции она значилась под номером первым.

Вслед за «Лениным» покинули Землю и другие корабля.

За восемнадцать столетий шестьсот сорок экспедиций, одна за другой устремлялись в бездну пространства с различными делами и заданиями. Больше половины из них были христианской эры. Четыре, других же триста и двести лет назад, по-видимому, погибли. Двести шестнадцать находились в космосе.

Относительно двустот пяти сорок возвращающихся были приблизительно известны. Об одиннадцати самых первых ничего не знали. Но их знали все же, и двести и двести пять более поздних христианской эры. Точнее.

Техника звездолетов менялась и совершенствовалась от века к веку. Старые конструкции звездолетов, принципы их движения сдвигались в архив. Появлялись новые. Последний корабль, покинувший Землю год назад, не имел уже ничего общего с тем, первым, построенным на заре космонавтики.

Но как бы ни устарели космолеты, они существовали и должны были вернуться в солнечную систему. Их надо было принять.

Точно в музее истории космических перелетов, в пространстве находились корабли всевозможных конструкций — живая иллюстрация звездолетостроения за восемнадцать столетий.

Корабли были разные. Они разнились в разное время, говорили на разных языках, являлись представителями человечества Земли почти каждого из прошедших веков.

Аппараты связи каждого корабля отличались от других, обладали различной мощностью, различным принципом действия, разной азбукой и системами шифровки.

Корабли приходилось в движение различными силами — от фотонного излучения до антивитризации. Их величина, вес и скорости посадки были различны. И все это обязано было в совершенстве знать космодиспетчеры.

Гравитационный корабль можно было посадить где угодно, хотя бы в пустыню Цереры. Но фотонную ракету следовало направить туда, где ее присутствие не причинит вреда. Корабль последней конструкции опустился бы незаметно, более старый могущий силой реактивных струй мог разрушить близлежащие постройки.

Каждому кораблю надо было указать место посадки, послать туда встречающий корабль, обеспечить приближавшийся с доставкой на Землю после обязательного карантина, если экипаж высвасывался на другие планеты, вне солнечной системы.

Всем этим ведали диспетчеры.

Они должны были понимать все языки, на которых говорили экипажи юдействующих кораблей, уметь пользоваться всеми способами связи всех веков, знать, где, когда и что именно строилось на всех планетах солнечной системы, и их спутниках, где и в какое время могли находиться там люди.

Годы проходили без прилета какого-либо корабля из космоса. Но диспетчеры всегда были в полной готовности встретить любой из них.

Станция находилась на Церере, но ее глаза — сверхточные локционные установки — находились далеко от нее: на Плутоме, на крупнейших астероидах второго, внешнего. пояса солнечной системы.

Совершенные автоматы зорко следили за приближением пространств. Непрерывно действующая связь позволяла диспетчерам непосредственно видеть на экранах. всю «местность» вокруг Солнца и его планет.

Если один из локаторов замечал едва различимую точку космолета, он не выпускал его больше из поля зрения». Связанная с ним управляющая на Церере автоматическим подчинялась, и замеченному объекту. Канал связи устанавливался быстро и точно. Оставалось ждать, пока корабль приблизится настолько, что будет возможно обменяться с ним первыми словами.

«Ленин был замечен задолго до того, как была послана первая ракета. Диаграмма непонятным набором точек таинственно его экипажа. Различить на таком расстоянии контуры космолета и установить, какой именно из них приближается, было невозможно. Корабль казался тускло блестящей точкой. Диспетчеры не знали, с кем они имеют дело.

Как только было установлено, что замеченный предмет действительно космолет, в не крупный моторчик, сообщение об этом было немедленно послано на Землю и Марс. Временного слета о приближении корабля из космоса узнали все люди, где бы они ни находились в солнечной системе.

Прибытие космического странника всегда было волнующим событием. Какие новые тайны Вселенной удалось ему открыть? Что несет он людям? Чем обогатится наука? Эти вопросы одинаково интересовали всех.

В помещении главного пульта станции собрались все двенадцать диспетчеров. Собрались из одного только чувства любопытства, потому что вмешиваясь в работу дежурных не дозволялось никому. По традиции, установившейся в незапамятные времена, те, кто первым заметил возвращающийся корабль, должны были сами установить связь с ним, сами раскрывать его послание.

И хотя им предстояли долгие часы, а бывало, что и дни утомительной, бессменной работы, на них смотрели с завистью.

Эти часы были смыслом и целью их работы. Ради них люди посвящали всю жизнь профессии диспетчера. Многие из них в прошлом так и уходили из жизни, не встретив ни одного корабля.

Принять космолет! Это было постоянной и азветной мечтой.

В этот день дежурники, как всегда, двое — Радий и Леда. Они были еще совсем юными, только три года назад окончившими диспетчерскую школу. И вот именно в их дежурство показались космолет. Какое счастье! Различить персонала станции были пожелавшие опытные диспетчеры. Один из них даже принял восемь лет тому назад корабль четвертого века новой эры. Но Радий и Леда знали, что никто не вмешается в те распоряжения, которые они дадут командир корабля. Они один отвечали за все, что случится в ближайшем времени.

Среди персонала станции были пожелавшие опытные диспетчеры. Указательная антенна шестой мачты давно уже повернулась в сторону космолета. Все было готово для связи.

Но корабль был еще очень далеко. На экране едва различалась серебристая точка.

— Он подходит с давно включенными двигателями торможения, — сказал Радий, — это же наш возвращающийся корабль.

— Мне кажется, — ответила Леда, глядящая в экран, — что мы видим не самый корабль, а только огонь его дюз.

— Дюз? — удивился Радий. — Ты предполагаешь, что это такой древний корабль?

— Мне так кажется. Посмотри сам, точка не ясно очерчена. Она словно колеблется.

— Да, это верно, — сказал один из диспетчеров после нескольких минут внимательного наблюдения. — Попробуйте включить максимальный ингайлскол.

— А не рано!

— Нет, самое время.

Радий выполнил совет старшего товарища.

Точка на экране увеличилась, расплылась, превратилась в неясное пятно. Но все сразу увидели, что Леда была права. Виден был не корабль, а отблеск пламени, испускаемого тормозными двигателями. Но, нет... это было не пламя, это был корабль. Востановил — крикнул Радий, не скрывая восторга охватывающего его восторга.

Только подумали! Встретить не просто корабль, а один из тех первых одиннадцатых, ставших уже легендарными пионерами звездолетания!

— Сейчас же сообщите всем! — сказала Леда.

— Сейчас же сообщите всем! — сказала Леда.

Сенсация! Из ряда вон выходящая сенсация! Там, где виднелось только неясное пятно света, находился, приближался к Солнцу, возвращающийся на родину корабль, несущий на себе...

— Там современники Дмитрия Волгина, — дрожащим от волнения голосом крикнул Радий. — Сейчас же сообщите всем! — сказала Леда.

Средь час не осталось места никаким сомнениям. Возвращались люди, покинувшие Землю восемнадцать веков тому назад.

Если они и не были современниками Волгина в полном значении этого слова, то все же они были людьми, близкими ему, родившимися примерно в одно время. Сто лет — это не слишком много. Различным путем пришедшие в девятый век новой эры, человек двадцатого века и люди двадцать первого встретятся в новом для них мире, новом в истории ступени как для него, так и для них!.

— Волгин не будет больше чувствовать себя одиноким среди нас, — сказала Леда.

— Да, это — счастье для него, — отозвался Радий.

— Хорошо бы сообщить ему лично!

— Неужели этого не сделали! Будь спокоен, он уже все знает.

Космолет приближался. Теперь они могли следить за ним по указательному расстоянию. Подходило время связи.

Продолжение следует.

Эти парни трудятся в шахтах близ Иланды, где зародилось движение бригад социалистического труда Чехословакии.

И ЦЕЛЬ, И ПУТЬ У НАС ЕДИНЫ

«Чест правди!» — «Слава труду!» — говорят в Чехословакии при встрече и прощании. Социализм принес с собой новое отношение к труду и людям, создающим все благосостояние общества, обеспечивающим его прогресс. Из такого бремени труд стал делом чести, без него не может жить настоящий человек, строитель коммунизма — самого прекрасного общества на земле! Поэтому, когда на страницах чешских и словацких газет появились сообщения о развернувшихся в СССР движении за коммунистический труд, трудящиеся Чехословакии и, конечно, в первую очередь молодежь горячо откликнулись на инициативу советских людей. «По-социалистически работать, по-социалистически жить» — под таким девизом началось соревнование за высокое звание «Бригада социалистического труда».

Первые две бригады были созданы на шахте имени Вацлава Носека

близ Иланды. Почти шахтеров подхватили во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства. Сейчас в стране уже несколько десятков тысяч производственных коллективов соревнуются за право называться социалистическими. Более двух с половиной тысяч бригад добились этого звания.

В настоящее время движение бригад социалистического труда вступило в новый этап. По примеру советских друзей трудящиеся Чехословакии выступают с предложениями включать в соревнование целые цеха и предприятия.

Об истоках этого славного движения, о том, как оно развивалось и формировало людей, написал для нашего журнала несколько небольших очерков Ян Рихша — член редколлегии молодежной газеты «Смена», издающейся в г. Братиславе.

КАК ПЯТЬ ПАЛЬЦЕВ РУКИ...

На руке — пять пальцев, все они разные, но вместе составляют удивительную гармонию. Об этом думали Юло Барта и Эдо Тадак, когда создавали молодежью коллектив в инструментальном цехе завода «Электросит» в городе Нове-Замки и начинали соревноваться за звание бригады социалистического труда.

Что значит работать и жить по-социалистически? Ведь вместо работы по-социалистически можно ограничиться лишь перевыполнением плана, а жизни по-социалистически свести к совместному поощению театров и кино.

На руке пять пальцев, и все они разные, как и парни в бригаде. Франтишек Арендиш — большой любитель театра, Штефан Гавла — страстный футболист, Эдо Тадак — волеболоист, а Юло Барта готов часами топать ногой, метать диск и копаться в котле. И вот Гавла, Арендиш и Ковач начали работать волонтерами швейцарских отрядов в школах, а Барта и Тадак поступили в вечерней промышленный техникум. Они усвоили и

оставших. Ребята пошли учиться не из-за друхот кроек прибавки к жалованию. Они захотели научиться

Самую высокую оценку получают на заводе «Электросит» изделия, изготовленные бригадой социалистического труда Ю. Барты.

ся повышать свой ставок, уметь реконструировать его и, что гораздо важнее, захотели научиться понимать и перерабатывать самих себя.

Человек не имеет права жить, механически выполняя лишь то, что ему предписано по должности! Поэтому Арендиш, Барта, Тадак, Ковач и Гавла стали жить по правилу: «Каждый работает как повелит». Их руки работали, а ум критиковал и умчался то, чего не успели умушить другие.

Одну из деталей, которую они изготавливали, полагалось сначала вырубать, а потом проточить. А потом нельзя вырубать и проточить одновременно! Маленький коллектив из пяти человек научился беречь самое ценное из того, что есть на свете — человеческой труд. Это отразилось на всей жизни парней: в часы досуга они пристражно изучают математику и физику, во не забывают и о литературе, особенно о поэзии. Такое увлечение понятию: из учебников можно почерпнуть специальные знания, настоящую же силу духа и свободу мечтам дают только хорошие книги...

ПАРНИ ИЗ ЧИФАРЕ

«Плют, как бездонные бочки!» — говорил все о козующей бригаде трактористов из Чифаре. Ребята не столько заботились о машинах, сколько о вышивке. Кто-то должен был поправить дежу.

И вот вернулся из армии парень — Ян Надажда. Он хотел снова работать на тракторе, а ему предлагали руководить бригадой.

— Работать с техникой! Нет, ни за что!

Но мысль об отказе натолкнулась на его комсомольское «я», такое неуступчивое, когда решает о чести своей коллективе — чешского билета Союза молодежи.

— Ну что ж, согласен!

И пошла скакать ребятами:

— Вышивок не будет!

Ребята, удивленные решительностью нового бригадира, сначала ворчали, а потом взялись за дело. Бригадир изучал своих парней. Он узнал, что они могут работать изо всех сил, вымолить любую работу, но умеют и увильнуть от нее. Поэтому Ян чутко реагирует на их настроение: раз укорит, дру-

гой — похвалят, а если нужно, поможет. Шло самое трудное: перековка характеров. И, когда у Яны уже не оставалось сил, когда она не знала, что делать дальше, выдал усмешку:

— Ну, вот что, ребята, или я пойду к черту, или водка!

К черту пошла водку и халтуру. И вот пошла вверх кривая замесленная глина и собственноручно чиста трактористов. Название «Чифаре» стало появляться в газетах: — Чифаре вызывают на соревнования!

— Чифаре вперед!
— Чифаре празднуют Новый год осенью!

В чем секрет их успеха? Хорошие машины и умелые руки, внимательные глаза и острый ум. Зачем возиться с одной сеялкой, когда трактор прекрасно потянет сразу несколько! Ребята восторженно викали, как лучше использовать мощнейшие силы моторов, какое количество навесных орудий даст наибольший эффект... Все это пошло им сжовонить за год 20 тысяч литров горючего. Это 110 тысяч кроп.

Когда одного из них, Ондар Леловский, врач «запер» в больнице, запрещение работать о больниче это больше, чем белевца. А когда Ондар выписали, он первым пришел на поле и последним вернулся домой.

«Сколько ты прополот?»
«Двадцать семь...»
«Двадцать семь гектаров? Не води нас за нос!»
«Зачем! Двадцать семь!»
Это был рекорд.

В начале июня Ян Надажам занялся поутюжкой пали мы выпонили. И на мотоцикле отправился в окрестные кооперативы искать работу: ведь не могут же сидеть сложа руки члены первой в сельском хозяйстве Словакии бригады социалистического труда!

«НЕ СЕРАДСИ, МАМА...»

Шумят машины, накручивая нити — тысячи, сотня тысяч километров тонких нитей. Девушка внимательно следит за станками: она обслуживает 760 веретен.

А ведь еще недавно она — девочка с длинными густыми косами — вела на луту коров — рыжую Малину и шеструю Яоду. Тогда она еще ничего не знала о веретенах. Ее мать, вдова Болварова, работала, не жалея сил. Ведь надо было прокормить и одеть четверых детей. Тринадцатилетняя Анка была старшей.

Однажды Анка в последний раз пошла материнских картофельных лешешек и с маленькой сумочкой ушла в Рыбарполе, работать на текстильной фабрике имени В. И. Ленина.

Сначала она чувствовала себя там, как пересаженное дерево... все было для нее ново и чудно: гудели машины, сновали люди. Постепенно девушка привыкла, и ее мать стала получать письма и деньги. Через несколько месяцев приехала и сама Анка.

— Остаться дома, — сказала ей мать. Оказываются, дворонорные сестры Гусаровы ушли с фабрики и змугили воду в деревне: мол, на фабрике легкие забиваются пылью, начинают болеть, а зачем деньги, если потеряно здоровье.

Анка только посмеивалась, но когда мать заявила, что дочка останется дома — и basta, она ис-

Отличный тракторист Ондар Леловский и его бригадир Ян Надажам. Последние налутусти перед выходом в поле.

пугалась. Вечером Анка исчезла. А через несколько дней пришло письмо: «Не сердись, мама, я не могла поступить иначе».

Анка Болварова стала работать вместе с трудолюбивыми и умными девочками, которых подобрала в свой молодежный коллектив Эмилия Окуларова. Он прославился тем, что первым на фабрике начал соревноваться за звание бригады социалистического труда и первым завоевал его. Но в предпоследнем цехе, где трудилась бригада Окуларовой, были и коллективы, работавшие из рук вон плохо.

В газетах писали о советской ткачихе Валентине Гагановой. Ее имя все чаще вспоминали и в бригаде Окуларовой. Мерка Филекова и Анка Болварова решили последовать примеру Гагановой. Эмилия Окуларова поддерживала их, хотя понимала, что бригада потеряет двух лучших работниц.

Анку одолевали сомнения. Ну кто знает, поймут ли ее в новой бригаде, да кроме отца дома нужных денег. Кто знает, каким будет у нее заработок, ведь машины в той бригаде запущены!

Неудерживо встретила девушку в новой бригаде. Но когда увидели, как слушаются машины Анку, когда поняли, что Анка хочет всех научить работать так же, настроение стало меняться. Прошло меньше месяца, но и этого было достаточно для того, чтобы новой коллектив — шесть предвильниц — вступила в соревнование за высокое звание бригады социалистического труда. А когда зашла речь о бригадире, все единогласно предложило кандидатуру Анки Болваровой.

***

Примеры трудового героизма советской молодежи, документы Коммунистической партии Советского Союза и особенно ее Новая Программа, вдохновляют чехословацкую молодежь, ведут ее к новым достижениям, к расширению социалистического соревнования. Все новые коллективы вступают в борьбу за звание бригады социалистического труда.

Программа КПСС говорит о чертах человека коммунистического общества. И эти черты стремятся воспитывать в себе все члены чехословацких бригад социалистического труда.

Ян РИШКА

Владимир ТУРИН

Обычными не обаялиными, Одиночками и в строю, Завершая свой путь атаками, Умирали они в бою.

Умирали они усталые, Встаи у проклясти на краю, С переломными сдвигами За романтику за свою...

Бородатые в безумие, Броши, собранные у глаз, И с чубами и с косами русыми — Воскресают они средь нас!

...Набратам ребятам не терпится По реблудам, по Русу, Убедитесь: а как он вертится, Шар земной на своей оси!

И лопатами и на грейдерах Врезав волны ковалых грев, Сият ребята под темериками, Удальными рты раскряки.

Спят романтики, ровно дышатся. Кепки сдвинуты со лба, В изголовье у них клумпятся Иши выращенные хлеба.

Спят они — кулаки под головы, В кулаках им монеты нет, В кулаках их зажаты глотуцы Не открытые еще планет.

Александр МЕДУЩЕНКО

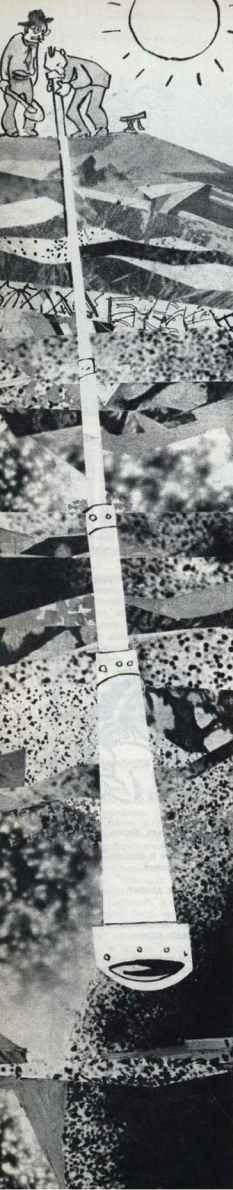
...С наставленным ознакомься бегом, Молоды сквативы надереве, Дезам мы «понаредь битльи в пекло», Потому что битльи б не полез.

А в откоке стены жаром дышат, А в откоке... С голыми и рук Капал пота падали, как вспышки, И с шипеньем выскыпан жаруг.

В полутаме на димонном подожи, Пылаю мм дыплав тяжело, Сняты майки, Сняи бы даже кожу, Если б это от жары спасо.

...А когда мм, все закончон, выпил, В плане цеха над грейдером «Дюк» Кто-то чуть пометил красной птчицей, Означившей: «Выполнено в срок».

Мы счастливый былии всех на свете, Мы похваля хотели от друтих, Но никто той птчицы не заметил, Потому что много было их.

ПУТЬ В ГЕОКОСМОС

Дмитрий Биленикин

ЛЕС ВОПРОСОВ

Небу везло больше, чем Земле. В свете конца XVIII века уже летали монгольские; дошный Карл Шееле разложил воздух на кислород и азот; Ломоносов, Франкин, Гихман установили, что молнии — это не слышимые серные пары, как считали раньше, а электрические разряды. Зато впоследствии — в последние годы — это в годы войны: «Развалины древнегреческих храмов, нильские пирамиды! Гм! Бедомения, они продукт деятельности вулканов.

Мы можем только помать плечами: принять колоннату развалившегося дворца за окаменевшую лаву — какой неострунный идеол? Но и в наши дни Земля ходит в невольных паниках.

Загадочный космос сейчас стал близким, доступным, хоть рукой трогать. Хотите взглянуть, как выглядит невидимая сторона Луны, — пожалуйста: ее снимок к вашим услугам в любой библиотеке. Интересуетесь химическим составом, весом, возрастом какого-нибудь Сириуса? Астрономические таблицы скоро вылетят вам. Два человека, которые видели Землю круглой, — Гагарин и Титов — с удовольствием поделятся своими впечатлениями о космическом путешествии. А спросите геолога, что находится у нас под ногами, на глубине всего нескольких десятков километров, и вы не ответит. Земля, чьи силы колеблют горы и рассыпают в прах жилища, в чьих недрах залегают огненная нефть, сверкающие звезды алмазов, тяжелая ртуть, Земля, колыбель жизни и кормилица индустрии, познана хуже, чем космос!

Однако не прувеличиваем ли мы? Рекордная глубина бурения — семь с лишним тысяч метров. Более глубокие складки невольно прощупываются волнами искусственных землетрясений. А землетрясения естественные — разве это не фонари, на миг озаряющие глубины, вплоть до центра планеты? И разве магнитное поле, колеблющее стрелку компаса, не востик процессов, творящихся в лаборатории недр?

И тем не менее у нас под ногами неизвестность. Огромный мир, подлинный геокосмос, ждущий своих гагаринских и титовых.

Слова «геокосмос», «антикосмос» не просто образы. Это довольно точная характеристика земных глубин. Если в межпланетном пространстве господствуют высокие температуры, чрезвычайно низкие температуры, если там вещество разрежено до состояния «пустоты», то в земных глубинах все наоборот. В них вещество сжато колоссальными давлениями, разогрето высокими температурами. А что касается загадок...

Толщина земной коры — 10—70 километров. Ее «кровлю» слагают осадочные породы: песчаники, известняки, сланцы и некоторые другие. Их свойства и происхождение не вызывают особого разногласия; они, как правило, всюду доступны бурению и поэтому изучены неплохо. Ниже находится слой гранитов. Гранитов ли? Скорее всего да, но, возможно... Вот и появился первый недоумительный вопрос, касающийся сути дела. А ведь слой гранитов залегают совсем глубоко: до него тысячи метров. Кое-где, в Карелии, на Украине, в Сибири, граниты даже выходят на поверхность. Казалось бы, вот они, граниты, перед глазами, те самые, что идут на павятиники и облицовку зданий — смотри и изучай. Однако граниты на поверхности и граниты в глубинах (или гранитоподобное вещество) находятся в совершенно разных физико-химических условиях. Между ними та же разница, какая существует между метеоритами, упавшими на Землю, и метеоритами, бороздящими космос. Так что разогнуть крючок вопроса даже в этом случае не так-то просто.

Под гранитами залегают слои темных, бедных кислородом, тяжелых базальтов. Все сказанное о гранитах в той же мере относится и к базальтам, только тут неясностей еще больше. Ведь базальты находятся еще глубже, они слагают «фундамент» коры. Мощностъ всей коры — 10—70 километров; в сравнении с ней 6371 километр земного радиуса это — как кожура яблока, а сколько неясностей, как велика разница между «кровлей» и фундамен-

том! И химический состав не тот, и физические свойства, видимо, иные. Спросим себя, что нам известно об атмосфере на высотах 10—70 километров, и картина наших знаний о небе и о Земле будет разительно отличаться! Но свойства земной коры считаются все же хорошо изученными по той простой причине, что ниже начинается страна сплошных догадок. Продольные сейсмические волны землетрясений на границе земной коры резко меняют скорость. Значит, за этой чертой (ее называют поверхностью Мохоровичича) вещество находится в каком-то особом состоянии. В каком? Что за вещество? Скорее всего, это тот же базальт, но не в кристаллическом, а в аморфном, безструктурном, стекловидном состоянии. Но так ли это? Поручится никто не может: ведь человек еще не видел ни

кусочка таинственного подпиркового вещества. А ведь оно слагает мантию Земли, сплы, расположенной на глубинах от 10—70 до 2900 километров. Стоит ли уж говорить о ядре Земли? Тут сколько ученых голов, столько и гипотез!

СКВОЗЬ ЗЕМНУЮ КОРУ — К ЛАБОРАТОРИЯМ НЕДР

Будний день 25 августа 1961 года... В зале заседания коллегии Министерства геологии и охраны недр СССР полно народу. Собрались видные геологи, геофизики, геохимики. Обсуждается дерзкий проект бурения сквозь земную кору. Один из выступивших назвал это совещание историческим.

Что ж, возможно. Здесь был дан сигнал готовности к штурму глубин антикосмоса. Последствия такого штурма будут иметь значение, пожалуй, не меньшее, чем проникновение в дали Вселенной.

Пять скважин на глубину 15—18 километров. Пять зондов туда, где, по христианским легендам, находится ад. Пять механических рук, протннутых к местам рождения лавы, в тайники, откуда движутся рудные растворы и где подземные силы накапливают энергию землетрясений. Вот о чем шла речь. И это не было проекторством.

Ведь уже пробурена под Баку скважина глубиной свыше пяти километров. В Прикаспийских степях, среди песков и солончак, заложены две скважины на семь километров. Возможно, одна из них и будет продолжена до 10—15-километровой глубины. Ибо прикаспийские толщи — редкость в геологии. Здесь мощнейшие напластования осадочных пород. Сотни миллионов лет назад на этом месте образовалась прогиб земной коры. Морские течения (море ушло из Прикаспия сравнительно недавно) веки за веком, словно аккурный мурщик, сметали в прогиб с побережья продукты выветривания Донецких и Уральских гор, песок и глин, карбонаты и гальку. Если бы прогиб вдруг распрямился, солончак При-

каспия оказались бы вознесенными в стратосферу на высоту 11—14 километров!

Потому здесь и намечено место для первой сверхглубокой скважины. Бур проникнет всю толщу осадочных пород и выйдет в континентальный гранитный фундамент. Тем самым, по-видимому, удастся определить истинную границу залегания нефти в земной коре, чтобы быть, вскрытые новые резервуары «печи моторов», спрятанные в неприступных скалах горизонтов.

И, возможно, прикасаясь сверхглубокая скважина приблизит минуту освоения нового слова: что такое есть нефть? Д. И. Менделеев с его сторонники говорят, что нефть — это эмаляция земных недр, что в их раскаленных глубинах водной пар, взаимодействуя с карбидными металлами, дает начало той чудесной жидкости, без которой немислим XX век. Это предположение долго находилось в забвении. Его извлекли облычно затем, чтобы подтвердить негустую мысль: великие люди, и те ошибаются. Казалось бы, все и ведае дозволяло, что нефть — следствие жизнедеятельности организмов.

Однако в последнее время накопилось немало фактов, указывающих на обратное. Геологи стали брать сомнения: может быть, Менделеев прав? Тогда нефть надо искать и там, где ее не искали, — в древних горных массивах, например. А скважина в крупном нефтегазоносном районе как раз должна проникнуть в зону, которую Менделеев считал природной фабрикой нефти.

В второй скважине могут быть иные задачи. Она, возможно, будет заложена в области выходов древнейших пород — в Карелии или другом месте.

О старинных зданиях говорят: «От них веет духом древности». Что же сказать о карельских гранитах? Им более трех с половиной миллиардов лет. Это фундамент одной из первых континентальных платформ, которая утвердилась из хвоста южной планеты, терзаемой геологическими катаклизмами. Ведь земная кора, видимо, постепенно остывает. Когда-то она была более подвижна, чем сейчас, и вся служила ареной борьбы горнообразовательных сил. Потом континентальные кристаллические платформы стали теснить подвижные зоны коры, подобно льдинам замерзавшего океана, мало-помалу стягивающим полосы плещущейся воды. Но почему это происходит? Какие силы колышут сегодня континенты, медленно поднимая один участок, например, Скандинавию, и столь же спокойно опускают другие, скажем, Голландию? Трудно найти ответ, не вскрыв фундамент континента, не взглянув «под ноги» глазами приборов. Этой цели и будет служить эта скважина, которая должна на глубине 12—15 километров достигнуть базальтового основания европейского континента.

Место для третьей скважины выбирается в крупном ауданском районе — шатунке с драгоценностями. Но ее «дно» геологи увидят впервые. Скважина пройдет к корням горных

сооружений свозят те тещины, разломы, которые когда-то служили каналами для рудных расторов и расплаво. Она пересечет древние очаги магматизма, и это должно пролить свет на загадку появления в глубинах Земли огненно-жидких озер и морей, чья деятельность столь эффектно обнаруживается при извержении вулканов.

Не правда ли, любопытная особенность земной коры — ее деление на гранитный и базальтовый слои, отличающиеся друг от друга химическим составом? Коли так, значит, земные силы способны путешествовать в твердом веществе. Более легкие всплывают, точно шлак, тяжелые остаются на дне. Но как, в силу чего происходит такое деление, неясно. Помочь решению этого вопроса призвала четвёртая скважина. Она должна вскрыть нижний, базальтовый этаж земной коры вплоть до поверхности мантии. Получается, что разрезы скважины, сложенные вместе, дадут картину строения земной коры по всем слоям: от поверхности до мантии. Базальтовому. В этом коренное отличие советского проекта сверхглубокого бурения от американского, в котором предусмотрено лишь бурение базальта со дна океана и достижение поверхности Мохоровичича, каждый километр бурения в любой из четырех скважин сулит открытия и открытия, так как это шаги в неизведанное! Но, пожалуй, наиболее захватывающей окажется минута, когда лавая скважина вылетит ставшая подкорковное вещество. Кусок такого вещества или образец лунной породы — трудно сказать, что сильнее возволует ученых! Скорее всего, интерес и к тому и к другому будет одинаковым. Ибо и то и другое в равной мере загадка.

«ГИПЕРБОЛОИД ИНЖЕНЕРА ГАРИНА»?

Космос покорили ракеты. А какой инструментом для познания земных глубин? Обычные буровые скважины, стволы, трубы — далеко не лучшие. Колоссальные давления, температуры в 200—600 градусов, при которых подземная вода, обращаясь в пар, обретает взрывчатость динамита, — это далеко не все препятствия, подстерегающие шахтера. Целую стереть недра от проникновения человека. Или предъявляют к технике суровые требования. И мысль ученых, инженеров уже оттачивает острие того оружия, которое прозвизгнет земную кору. Работа, однако, предстоит большая.

Ведь, скажем, трубы. Никто раньше не пытался свинчивать их в 10—15-километровую колонну, которая только под влиянием собственного веса удлинится на 33—68 метров. А тут нерализованные рстворол. Обычная сталь не годится. Высококачественная? Нет, специалисты склонны отдать предпочтение трубам из титановых сплавов. Им не страшна коррозия, они и изгибаться хорошо работают на растяжение.

Одна проблема как будто решена, но на очереди десятки новых. Промышленный рствор, система охлаждения... А как быть с искривлением скважины? Если принятый диаметр — это норма, то скважина... «переврестится» и выйдет обратно на поверхность! Или такая «мелочка», как время спуска-подъема бурильного снаряда: в сверхглубоких скважинах оно возрастает в сотни раз.

Но же инженеро говорят, что от всякого дела есть противоподея. Увеличилось время спуска-подъема? «Ладно,— говорят специалисты.— Откажемся от буровой вышки. Точнее, переведем ее под землю: выверим шахту глубиной в несколько сот метров, будем там свинчивать трубы в длинные колонны и так сократим время».

Предлагаются и более смелые, хотя и не менее обоснованные проекты. Например, производить гудронно до 20 километров, которая позволит самому человеку спуститься в подкорковое слое земли. Расчеты показывают, что до 7 километров умерять жару позволяют обычные вентиляторы. Глубже — в подкорковом слое — с кондиционированием воздуха. Современные антитермические скафандры позволяют три часа работать при темпе-

ратуре 150 градусов. Поэтому, быт может, умственно будет применять новые способы проходки. Не выработка, не сверла отбойными молотками, а тысячерадные струи пламени — вот что сулит быстрое продвижение в твердом камне глубин.

Когда докладчик сказал на совещании, что современной техники вполне под силу соорудить такую шахту, кое-кто из выдающихся геологов изумленно ахнул: «Так ведь это же гиперболоид инженера Гарина!» Трудно не согласиться, что восклицание было вполне уместным.

Но и сверхглубокие шахты — это еще не передний край «фантастической эры». Инженеры обсуждают проекты подлинных «геоспутников» — подвальных кораблей, которые смогут пронырывать себя путь, струю шеститысячградусной плазмы, обходящая горные породы в пар. Уже выведены ориентировочные цифры скорости подобных кораблей — от 5 до 50 метров в час. Значит, если на бурение сверхглубоких скважин, на прохождение сверхглубоких шахт нужны годы, то «подземная лодка» проникнет земную кору за несколько недель! «Ну и почему-то кажется,— сказал по этому поводу известный тектоник, член-корреспондент Академии наук СССР В. В. Белов,— что именно подвальные корабли призваны сыграть первую скрипку при изучении земных недр».

Так или иначе, но в близком будущем человек спустится в глубины планеты. Будет освоено, непригодно для него, расплавленный и, однако, твердый камень. Атомы, стиснутые друг с другом чудовищным давлением. Истоки землетрясения, перед мощью которых меркнет сила взрыва водородной бомбы. А дальше, глубже, при миллионных атмосферных давлениях. Может быть, там и отом не полож на атом, может быть, пресс давления сломал электронные оболочки, как в подкорковом слое ослом кристаллические решетол ионеров! Однако стоп! Мы вступили в область необоснованных догадок: ведь земные глубины — пока не познанный мир.

Подчеркнем слово «пока». Ему осталось недолго жить. Проникновение в глубины Земли диктуется настоятельными требованиями практики. Нас зовут не только звездные дали, но и глубоко спрятанные клады, могучие силы Земли, которые надо усмирить и поставить на службу человеку, исцелявшие источники тепловой энергии, способные обогатить ледяные просторы Арктики в неувядающей стабильности более трюха века космоса, но и веком смелого проникновения в глубины нашей планеты.

ВИАХМАПНАЯ ОЛИМПИАДА С МЕНЯ

ИТОГИ ПЯТОГО ТУРА

Что вы знаете о дебютах? — этой теме был посвящен пятый тур нашей олимпиады, в котором приняло участие 630 читателей. 20 победителей пятого тура награждены 17 и более баллов из 20 возможных и награждены дипломами:

И. Свиричев (г. Алма-Ата) — 20 баллов;

В. Волосиннов (г. Йошкар-Ола), В. Матюшенко (г. Сомовский, Воронежской области), К. Тима (г. Вязу, Ростовской ССР) — по 19 баллов;

Н. Алексеев (г. Нижний Тагил),

В. Гурвич (г. Ленинград), Д. Демуров (г. Тюмень), К. Муравьев (с. В. Борок, Калининской области), А. Карсеев (г. Севастополь), В. Пергамин (г. Магнитогорск), Л. Петрова (г. Ленинград), А. и И. Пучинины (г. Раменское), Ч. Мурз (г. Ташкент) — по 18 баллов;

Батюк (г. Тагил, Ленинградской области), Г. Миславская (с. Рожи, Гурьевской ССР), А. Петелин (г. Суздаль), Ф. Рогозин (г. Караганда), И. Урбах (г. Тбилиси), А. Ярушин (г. Йошкар-Ола) — по 17 баллов.

Ответы по пятому туру

1. Знаменитый русский шахматист М. Н. Чигорин (1850—1908 гг.) в ферзевом гамбите (после ходов 1. d4 d5 2. c4), играя черными, любил применять систему развития, связанную с ходом 2...h3. В теории шахматных дебютов это начало известно как «защита Чигорина». Среди современных шахматистов не было успеха применяя эту защиту советский гроссмейстер Д. Бруштейн.

2. Экстравагантная позиция, которую мы привели на диаграмме, возникает в довольно редко применяемом на практике комбинационном варианте латвийского гамбита после ходов:

1. d4 e5 2. Кг3 f5 3. Сe4 f6 4. К:е5 Фe5 5. d4! Ф:е6 6. Ф:е6 f7 7. С:е7 К:h6 8. С:е6 Ф:h7 9. Ф:h1 + 9. Крe2 Ф:с1 10. Кг7 + Крe6.

4. Начало, в котором сделаны ходы 1. d4 c5 2. d5 e5 или 1. d4 Кe2 2. e4 e5 3. d5 e5, носит необычное название дебюта Венио. В переводе с итальянского это означает «очень хорошо». По-видимому, ставшемуся известным автору дебюта пришлось так начинать партию, играя черными. Но сейчас многие видные шахматисты считают, что дебют Венио труден для черных.

5. Разбор предложенной нами позиции, получившейся в одном из вариантов защиты Грооффельда (1. d4 Кf6 2. e4 e6 3. Кe3 a5 4. cd f7 d5 5. e4 Кf6 6. be e5 7. Сe4 Cc7 8. Кe2 cd 9. ed Кe6 10. Сd3 0-0 11. 0-0 Cc4 12. f3 Кa5 13. Cc3 Cb4 14. h1! C:d3), вызвал острый интерес и живую полемику участников олимпиады. Как наиболее приемлемое для белых, сторон про-

Это продолжение с различными ответами привели В. Зак, Е. Рейлер, Л. Шамякин, И. Стриж и другие советские шахматные теоретики. Пома можно считать, что позиция, которую разработали участники нашей олимпиады, ведет к игре с примерно равными шансами.

6. Необычное, на наш взгляд, начало 1. e4 e5 2. Кe2? рекомендовал применять на практике известный русский шахматист мастер, современник и партнер М. Н. Чигорина — З. Алятин (1856—1923 гг.).

7. Вот три дебютных варианта, в которых быстро образовался решающие судьбу партии провозные линии. Именно эти варианты приведены большинством участников пятого тура.

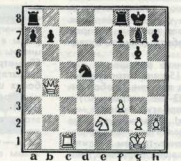
a. 1. d4 d5 2. e4 e5 3. de d4 4. e5! C:d4 + 5. C:d2 del f. C:b4 e-f + 7. Крe2 f:g1 + и черные после 8. Крe1 Фh4 + 9. g3 Фe4 + легко выигрывают (это вариант из контргамбита Алятина).

b. 1. e4 e5 2. d4 d5 3. Кe3 Кf6 4. C:g3 C:d5 5. e5 КRf5 6. h4 f6 7. C:d3 c5 8. Фh5 + КRf9 9. К: d5 f6 10. Лh3 11. К: d5 12. К: d5 13. К: d5 14. Ф: h7 Л: h7 14. Ф: h7 h2! и пешка становится новым ферзем (вариант атаке Алятина — Шатара во французской защите).

9. Во французской защите после 1. e4 e5 2. d4 d5 3. Кe3 Кf6 4. C:g3 C:d5 5. e5 КRf7 французский шахматист Шатар предложил атакующую линию дебюта, связанную с ходом 6. h2—h4! Первым эту схему жертву пешки в серьезной шахматной практике применил французский гениальный русский шахматист А. Алятин. Это случилось в 1914 году на международном турнире в Мангабье. Поэтому в дебютной теории эта система игры называется атакой Алятина—Шатара.

10. Один из пионеров светского шахматного движения, А. Ф. Ильин-Женевский (1884—1941 гг.), был талантливым мастером и видным теоретиком. Самым популярным его исследованием является анализ системы игры за черных в голландской защите, связанной после 1. d4 e6 2. e4 f5 3. КRf Кf6 4. g3 C:d5 5. Cg2 0-0 6. 0-0 с ходом 07—06 иной в удачный момент осуществить продвижение e6—e5). В отличие от варианта «коричневая стена», основанного на ходе 6...d7—d5 (с последующим c7—c6), система Ильин-Женевского представляется более гибкой, но окончательного суждения о ней шахматная теория еще не высказала.

должение, ведущее к обоюдной игре, многими удаляется: 15. d5 C:b3 16. Ф:e4 17. Ф:e4 18. Cc3 C:d9. С:е4 К:с4 20. Л: d5 Ф: d5 21. ed К:с2 22. Л:с1 К: d5.

в. 1. e4 e6 2. d4 d5 3. Кe3 de 4. К: h6 Кf6 5. Кg3 h5 6. C: f4 7. C: f6 h:g1 9. Ce5 Л: h2 0. Л: h2 Фe5 + 10. Фe2 Ф: e5 + 11. de h2 и пешка превращается в ферзя (вариант из защиты Каро-Кана).

8. Начало 1. d2—b4 было в шутку названо «дебютом органдута» (французский шахматист-органдута (француз) в 1924 году на международном турнире в Нью-Йорке.

Первая страница цикла «История шахмат» в нашей «Пятнице» посетил-испытатель Владимир Калинин.

Фото В. МИШИН и Бор. СЕМЕНОВА.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:
Москва, Б-66, Спартаковская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:
Коммутатор 8-170-20.

Для справок — доб. 2-42; отделе литературы и искусства — доб. 2-15; международной линии — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; информация — 2-7-85-82; писем — доб. 2-53; науки и техники — 2-7-85-82; даты и номера — доб. 4-79; оформления — 2-7-85-32.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редакторы: Ю. Н. Верченко, Е. А. Деломатовский, С. В. Егоров [ответственный редактор], В. А. Кочетов, В. Л. Разумихин [заместитель главного редактора], Е. И. Рабчинко, А. А. Сосин, Б. И. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор А. Стуков. Оформление В. Недогонов.

Технический редактор Н. Вудкина.

А 00361. Подписано и печатно 31/Х 1961 г. Тираж 800 000 экз. Изд. № 1072. Заказ № 2636. Формат бумаги 70x109%. 2 б. л. — 6,48 п. л.

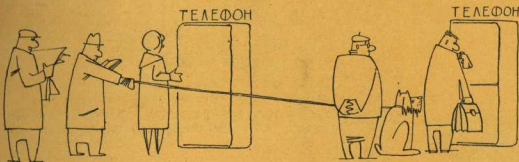
Ордена Ленина типография газеты «Правда» Москва, ул. «Правды», 24.

Е. ГАЙ

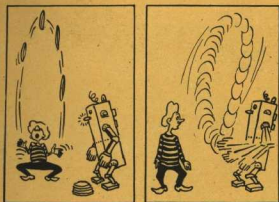
ПАНТЕЛЕЙМОН И АЛМАЗ

В пыли дорожной как-то раз
Пантелеймон нашел Алмаз.
— Алмаз! — вскричал Пантелеймон,
Любуясь им со всех сторон: —
Ну, как живой!
Ну, просто говорит!
Весь излучает!
Горит!
Блестит!
Ярко!
Многогранно!
Но почему... в пыли? Как странно...
Лепит себе в стороне где-то,
Что намеком простой, которых
миллион.
Да, может быть, фальшивый он!
И вот уж, остудив свой пыл,
Алмаз он бросил: — Нет, едва ли:
Когда бы он Алмазом был,
Его б уже давно подделали..

Где раньше?

Рисунки В. Арсеньева.

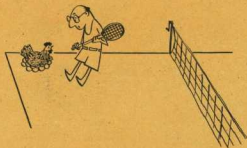
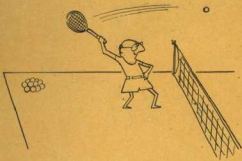

Рисунки В. Пик.

К л у б
Л ю б и т е л е й
Ш у т к и

Рисунки Р. Свирицова.

Рисунки Г. и В. Караваевых.

СТРИЖ

В лесу на пичьем сборе
Стриж произнес восторженную речь:
— Хвалилась, — говорит, — Синица море
А не смогла. Да и зачем жець море?
Неблагодарный, братцы, спорт:
Ведь море — это, так сказать, курорт.
Синица даль, гуляет волны лихо.
Вышла я на море с молодой стрижихой
И заключил, что море надобно беречь.

А вот болото
Мне смехъ давно охота.
Оно без пользы нам,
Пристаннице одним лишь комарам...
Спало до дня...
И в доказательство
Взял обязательство.
Стрижу — хвала. В честь трумения — тост.
Стриж на портретах во весь рост.
— Смотри, недоброе правяну, —
Стрижу с березы молвил Дрозд.
Не удержишь слово — так распушут,
Там на собранье распушт —
Забудешь, как тебя зовут.
Напрасно вылез с этиким починном,
Ведь не закончась! — Дрозд посетовствовал
Стрижу.
— А я и капляни труда не приложу, —
Ответил Стриж, начавшись на кусте малины, —
Ты, милый Дрозд,
Иль черес-чур хитер, иль слишком прост:
Ужели порядки здешнего не знаешь?
Тут хвалит все — и старина и молодець, —
Когда ты обязательство берешь,
И все молчат — когда не выполняешь.

Рисунки В. Динтрына.

**Е ЗАБЫЛИ ТЫ ПОДПИСАТЬСЯ
НА СВОЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ЖУРНАЛ?**

„СМЕНА“

расскажет тебе о труде и отдыхе, учебе, любви и дружбе твоих сверстников — молодых строителей коммунизма.

„СМЕНА“

будет печатать в новом году научно-фантастический роман, приключенческие повести, рассказы и стихи советских и зарубежных писателей.

„СМЕНА“

сообщит тебе о последних работах в области науки и техники, о новых достижениях наших спортсменов, о жизни молодежи в разных странах мира.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛ

„СМЕНА“

„СМЕНА“ ВЫХОДИТ 2 РАЗА В МЕСЯЦ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

НА ГОД — 4 РУБ. 80 КОП.

НА ПОЛГОДА — 2 РУБ. 40 КОП.

НА 1962 ГОД

Подписка на журнал принимается во всех городских отделах «Союзпечати», в конторах и отделениях связи, а также у общественных уполномоченных на предприятиях.